Русский орнитологический журнал

XX1X 3030

TAPESS-18S

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том ХХІХ

Экспресс-выпуск • Express-issue

2020 No 1880

СОДЕРЖАНИЕ

373-408	Орнитологические сборы на Японском архипелаге в коллекциях Зоологического музея Императорской Академии наук: несколько страниц истории. С . Н . Б А К К А Л
409-411	Новые данные о зимующих птицах Сочинского Причерноморья. И . И . У К О Л О В
411-412	Новая зимняя встреча скворцов <i>Sturnus vulgaris</i> в Алакольской котловине. Н . Н . Б Е Р Е З О В И К О В , А . Н . Ф И Л И М О Н О В
412-414	Встречи китайской зеленушки <i>Chloris sinica</i> на западной границе её ареала. Е . Э . М А Л К О В
414-416	Специализация ворона <i>Corvus corax</i> на добывании домашних кошек <i>Felis silvestris catus</i> в Бухтарминской долине на Южном Алтае. С . В . С Т А Р И К О В
416-417	Влияние орешниковой сони <i>Muscardinus avellanarius</i> и желтогорлой мыши <i>Apodemus flavicollis</i> на гнездование птиц-дуплогнездников. Р . А . Ю Ш К А Й Т И С

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных Биолого-почвенный факультет Санкт-Петербургский университет Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал The Russian Journal of Ornithology Published from 1992

> Volume XXVIII Express-issue

2020 No 1880

CONTENTS

373-408	Ornithological gatherings on the Japanese archipelago in the collections of the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences: several pages of history. S . N . B A K K A L
409-411	New data on wintering birds of the Sochi Black Sea coast. I . I . U K O L O V
411-412	New winter record of the common starling $Sturnus\ vulgaris$ in Alakol depression. N . N . B E R E Z O V I K O V , A . N . F I L I M O N O V
412-414	Registrations of the Oriental greenfinch $\it Chloris sinica$ on the western border of its range. E . E . M A L K O V
414-416	The common raven $Corvus\ corax$ specializes in hunting domestic cats $Felis\ silvestris\ catus$ in the Bukhtarma valley in Southern Altai. S . V . S T A R I K O V
416-417	The effect of the hazel dormouse $\it Muscardinus$ avellanarius and yellow-necked mouse $\it Apodemus$ flavicollis on hollow-nesting birds. R . A . J U Š K A I T I S

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Орнитологические сборы на Японском архипелаге в коллекциях Зоологического музея Императорской Академии наук: несколько страниц истории

С.Н.Баккал

Сергей Николаевич Баккал. Зоологический музей, Зоологический институт РАН, Университетская набережная, 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: Sergey.Bakkal@zin.ru Поступила в редакцию 13 января 2020

В Западной Европе эпоха великих географических открытий начиналась в XV веке. Прошло ещё сто лет и европейцы (купцы, миссионеры, военные) стали проникать в Восточную Азию. Первые из них в середине XVI века достигли японских островов южнее острова Кюсю (Киу-Сиу). Тогда венецианский купец и путешественник Марко Поло писал: «...это была таинственная богатая страна, где даже крыши дворцов были золотыми». Согласно изысканиям российских учёных, русские могли узнать о «Иапонии или Япан-острове» намного раньше, ещё в XIII-XV веках, благодаря информации, приходившей из Золотой Орды и европейских государств. Но, придерживаясь политики изоляции, в период с 1641 по 1853 год правительство Японии допускало ведение торговли лишь с китайцами и голландцами, через которых Япония получала информацию о внешнем мире. Как отмечали исследователи, сведения, поступавшие в «закрытую» и обособленную страну через голландцев, соответствовали интересам голландского правительства, которое боялось потерять монополию на право торговать с Японией.

На берега Тихого океана русские вышли в XVII веке, приблизившись вплотную к сказочной стране. Тогда внешняя политика Российского государства была направлена не только на обеспечение внешней безопасности восточных границ, но также на поиск новых торговых партнёров и природных ресурсов (богатых пушниной и морским зверем территорий). В XVIII веке в Японии даже появился специальный термин «синряку», когда речь шла о продвижении русских на Восток. Встрече будущих партнёров из России и Японии предшествовало «долгое и мучительное приращение землями» — включение в состав Российской Империи обширных территорий: Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Аляски, а также Алеутских островов, прилегающих к побережью Северной Америки. Когда в 1799 году была создана Российско-Американская компания, которая должна была не только осваивать земли Северной Америки, но и развивать доходные промыслы Дальнего Востока, это общество организовывало морские экспедиции,

пытаясь вести торговлю и научные исследования с Японией. Установление русско-японских дипломатических отношений выпало на время исторически важных изменений как в России, так и в Японии. Реформы, проводимые в обеих странах (в России – реформа 1861 года с отменой крепостного права, в Японии – распад феодальной империи), открывали пути для развития взаимовыгодных отношений. Взаимодействие России и Японии было связано и с научными организациями, в частности, с Императорским Русским географическим обществом*, которое было центром сбора научной информации и распространения её в обществе. Однако связи ИРГО и японских научных центров сформировались довольно поздно. До начала 1870-х годов переписки и научных обменов не существовало, хотя члены японского посольства в Петербурге ещё во второй половине 1860-х посещали некоторые заседания ИРГО. Первым центром научного изучения Японии стал Санкт-Петербургский университет, где с 1870 года началось преподавание японского языка. Спустя некоторое время уже было известно, что островное государство в Восточной Азии представляет собой архипелаг, в который включено, кроме четырёх крупнейших островов – Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку (97% всей площади архипелага), ещё около 7 тысяч менее крупных скал и островков, разбросанных в морях Тихого океана от Тайваня до русского Дальнего Востока, и охватывающих широкую полосу мест обитания. Стало известно, что на территории Японии арктические ландшафты на севере Хоккайдо («Японская Сибирь») сменяются в центре Японскими Альпами (горы Яманаси, Хонсю) и субтропическими лесами на юге. К концу XIX века в орнитофауне Японского архипелага уже насчитывалось более 300 видов птиц, среди которых более полутора десятков видов были эндемичными формами.

Среди сведений и обстоятельств, связанных с историей орнитологических коллекций Зоологического музея Императорской Академии наук (далее по тексту — Музей) нередко встречается имя Ивана Семёновича Полякова (1845-1887, рис. 1) — магистра и учёного хранителя при Музее. И особенно часто он упоминается в период, когда начинались и проводились его зоологические сборы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После того, как в 1880 году Российский Добровольный флот открыл регулярное морское сообщение из Одессы во Владивосток через Нагасаки, И.С.Поляков вместе с А.М.Никольским в 1881 году был командирован ИРГО, «но, в то же время с субсидией со стороны Академии, разрешённой на три года ...» (Штраух 1889, с. 69) на Сахалин для зоологических и антропологических исследований.

^{* 6 (18-}го по новому стилю) августа 1845 года Высочайшим повелением императора Николая I утверждено представление министра внутренних дел Российской империи графа Л.А.Перовского о создании в Санкт-Петербурге Русского географического общества (РГО), с 1850 по 1917 год называвшегося Императорским Русским географическим обществом (ИРГО).

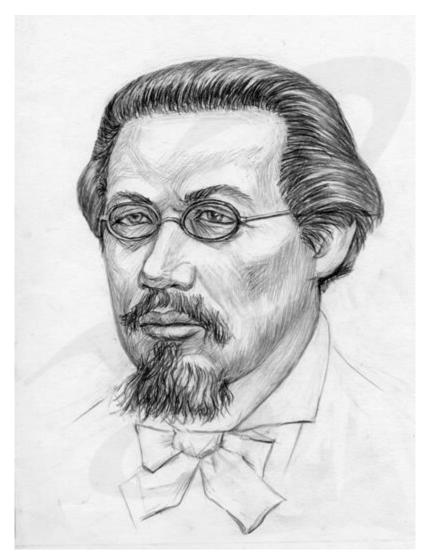

Рис. 1. Иван Семёнович Поляков (1845-1887) – учёный-энциклопедист, научное наследие которого изучено недостаточно полно (из: «Энциклопедия Забайкалья»).

Эта восточноазиатская экспедиция оказалась весьма продолжительным путешествием: после посещения Сахалина и Южно-Уссурийского края И.С.Полякову удалось побывать в Японии (1882-1883) и в Юго-Восточной Азии (ЮВА, 1883-1885). После путешествия по Тихому океану (1881-1885) Поляков прислал в Петербург разнообразные коллекции. Сфера его интересов оказалась значительно шире, чем только зоология. Собирая материалы для коллекций музеев Академии наук, он пополнил их фонды предметами археологии, антропологии, геологии, палеонтологии, зоологии и этнографии. Несмотря на кратковременность пребывания в ЮВА, русский зоолог сумел собрать орнитологический материал, который вскоре поступил в Музей в Петербурге (см.: Баккал 2019, с. 5578). Менее продолжительное время Поляков работал на Японском архипелаге. По результатам исследований в течение 8месячного пребывания в Японии и обстановке, в которой они проводились, он оставил обстоятельный отчёт (Поляков 1884; рис. 2), который привлёк внимание разных специалистов, в том числе орнитологов.

ОТЧЕТЪ

овъ изследованіяхъ

НА ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ,

ВЪ ЮЖНО-УССУРІЙСКОМЪ КРАЂ

И

MIHOITR d'E

Ив. Поляковъ.

(Читано 14-го февраля 1884 г.)

приложеніе къ хіліп-му тому записокъ имп. академіи наукъ № 6.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1884.

продается у комисіонеровъ императорской академіи наукъ: И. Глазунова въ С. П. Б.

Н. Киммеля въ Ригъ.

Цпна 25 коп.

Рис. 2. Титульный лист «Отчёта... Ив.Полякова» (СПб., 1884) об орнитологических исследованиях в Японии.

Восточноазиатское континентальное побережье и прибрежные острова — это один их крупнейших в мире «международных» маршрутов миграции известных в регионе птиц, особенно водоплавающих, морских и хищных. Тогда на острове Хонсю (Хондо) «между массою интересных пернатых, оказался в составе моих коллекций куличок с ложкообразным клювом (Eurhynorhynchus pygmeus)» (Поляков 1884, с. 56). Экземпляр кулика-лопатня из коллекции И.С.Полякова в настоящее время сохраняется в Музее (№ 9984, Yokohama, 24/X-1881, самец, Мад. Ројакоv, вит. 91.7; рис. 3). Большая часть наблюдений была проведена Поляковым в окрестностях бухты Нагасаки, в лесах и рощах, состоящих из разнообразной вечнозелёной древесной растительности — камфорных деревьев, магнолий, камелий, кипариса, тиса, а также величественных бамбуков и пальм. И.С.Поляков предполагал найти здесь, в местности, «принадлежащей к числу пунктов наиболее южных в цепи

больших островов Японского Архипелага, многих зимующих пернатых, водящихся на Севере Сибири, на Сахалине и в Южно-Уссурийском крае». В этом отношении его ожидания оправдались. «Картины природы представляли здесь все удобства для жизни, пропитания и отдыха как сухопутным, так и водным видам перелётных птиц» (Поляков 1884, с. 27).

Рис. 3. Орнитологические сборы И.С.Полякова в Японии в экспозиции Зоологического музея (Санкт-Петербург) – *Eurhynorhynchus рудтеиз* (№ 9984, Yokohama, 24.Х.1881, самец, Мад. Роlјакоv; вит. 91.7). Фото автора.

Когда в конце осени — начале зимы 1882 года открылся охотничий сезон на сухопутных птиц, среди добычи Полякова оказались два эндемичных для Японии вида фазанов (табл. 1): медный фазан Syrmaticus soemmerringii, научное название которого увековечило память немецкого учёного Самюэля Томаса фон Земмеринга (1755-1830), и зелёный (или «меняющий цвет») фазан Phasianus versicolor, населяющий крупные острова Японии (Хонсю, Сикоку и Кюсю). В то время зелёный фазан (кидзи) ещё не был национальной птицей Японии. Его возвели в столь высокое достоинство в 1947 году на собрании Японского орнитологического общества, когда его президентом был Нагамити Курода (1889-1978). Этот вид часто фигурировал в народных сказках, являясь составной частью японской культуры. Однако многие склонялись к тому, чтобы видеть национальный символ в японском журавле (танко) Grus japonensis (рис. 4): на его голове красное пятно, напоминающее

изображение на японском флаге. Надо признать, что, хотя Япония испытала в своё время сильное влияние таких стран Азии, как Китай и Корея, она впоследствии отличалась своеобразием и поражала эстетизмом, и особой изысканностью. И до сих пор мы наблюдаем в ней удивительное сочетание современности и традиций, окружённых установившимися обычаями и символами.

Рис. 4. Японский журавль (танко) *Grus japonensis* – один из главных претендентов на звание национального символа Японии. Копия с фотовыставки «Природа без границ» (Зоологический музей ЗИН РАН, 2012). Фото Тосидзи Фукуда (Toshiji Fukuda).

Фазаны, которых наблюдал Поляков в бухте Нагасаки, встречались в холмистой, покрытой кустарниками местности на высоких горных вершинах, а также на засеянных хлебом и овощами полях. Вместе с ними повсеместно в лесной полосе попадались разные дикие голуби, в том числе уже тогда довольно редкий зелёный голубь Sphenurus (Treron) sieboldii sieboldii (табл. 1, рис. 5). В рощах встречалась «чисто японская птичка, с дымчатым оперением» — японская белоглазка Zosterops japonicus, «дрозды носились в лесах стадами, с теми же криками и хлопотами; виды их были мне знакомы, так как [некоторые из них] лето проводят в пределах нашего отечества» (рис. 6), а в молодых рощах из камфорного лавра вьюрковые птицы, собираясь большими многоголосыми шумными стаями, «устраивали целые концерты». Наблюдая многочисленных зимних пернатых гостей в окрестностях Нагасаки, Поляков обнаружил много таких видов, которые гнездятся в При-

морье и на Сахалине. Но в то же время расчёт на обильную добычу многих из них во время перелёта в том виде, как он наблюдал его в России, оказался несоответствующим местным условиям.

Рис. 5. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева — *Sphenurus sieholdii sieholdii* (от И.С.Полякова), справа — *Ceryle lugubris*. Фото автора.

Рис. 6. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева — $Turdus\ chrysolaus$, справа — $Turdus\ cardis$ (от К. Темминка). Фото автора.

Во второй половине зимы И.С.Поляков нанял четырёх японцевохотников, которых он разослал в разных направлениях. Один из них умел снимать шкурки птиц и зверей; им оказался сын японца, служив-

шего препаратором у «знаменитого старика Зибольда». В Нагасакской бухте Поляков продолжал наблюдения за перелётом птиц, но надежды на обильную добычу не оправдывались, к тому же к концу апреля охотничий сезон закончился. Тогда управляющий русским посольством в Токио Роман Романович Розен (1847-1921) предложил Полякову посетить столицу Японии и выбрать в Токийском музее те предметы, которые у него отсутствовали. Уже в конце мая 1883 года Поляков побывал в Йокогаме и Токио, а затем в Кобе и Осаке. Больше всего его занимал вопрос о музее и его экспонатах. Вместе с драгоманом (официальным переводчиком) русского посольства, А.С.Маленда*, он отправился на окраину столицы, в парк Уэно, где располагался Токийский музей, большую часть которого занимали зоологические коллекции. Но в итоге зоологическая часть музея не оправдала его больших ожиданий: «материал был скудный», а «чучелы сделаны неискусно».

Рис. 7. Рыбный филин *Ketupa blakistoni* у гнезда с птенцом. Копия с фотовыставки «Природа без границ» (Зоологический музей ЗИН РАН, 2012). Фото Тосидзи Фукуда (Toshiji Fukuda).

После осмотра музея И.С.Поляков принял решение — избрать главным пунктом базирования Йокогаму. Там, при посредничестве консула Франции, ему удалось познакомиться с японцами и европейцами, «занимающимися исследованиями Японии в различных отношениях».

380

^{*} Александр Маленда — бывший юнга-кантонист Первого учебного флотского экипажа Кронштадта; юнгам этого экипажа поручалось как можно быстрее овладеть японским языком, чтобы стать переводчиками для первой постоянной российской дипломатической миссии (1858).

Одним из них оказался Генри Прайер (Henry James Stovin Prayer, 1850-1888), сотрудник Томаса Блэкистона* по составлению «Catalogue of the Birds of Japan, 1878», ознакомивший русского зоолога с экземплярами птиц своей коллекции.

Таблица 1. Некоторые виды (подвиды) птиц в экспозиции Зоологического музея и в фондовой коллекции (ФК) ЗИН РАН, поступившие из Японии от И.С.Полякова

Nº	Название и сведения из этикетки	Витрина Музея, ФК
120	<i>Threskiornis melanocephala</i> , черноголовый ибис, № 9968, III.1883, Yokohama, И.С.Поляков	109.1
867	Syrmaticus soemmerringii, медный пёстрый фазан, № 9990, 9.V.1883, Yokohama, Poliakoff	97.6
1400	<i>Eurhynorhynchus pigmaeus</i> , кулик-лопатень, № 9984, самец, 24.X.1881, Yokohama	91.7
56561	Porzana fusca, краноногий погоныш, самец, 12.Х.1881, Йокогама	ΦК
142918	Turdus pallidus, бледный дрозд, 14.XII.1882, Нагасаки	ΦК
33966	Garrulus glandarius japonicus, японская сойка, 14.XII.1882, Нагасаки	ΦК
29627	Pica pica japonica, японская сорока, 10.IV.1883, Нагасаки	ΦК
5839	Corvus macrorhynchos, большеклювая ворона, 2.I.1883, Нагасаки	ΦК
137049	Egretta sacra, восточная рифовая цапля, 11.I.1883, Нагасаки	ΦК
137290	Butorides striatus, зелёная кваква, 6.IV.1883, Нагасаки	ΦК
137009	Nycticorax nycticorax, кваква, 16.Х.1882, Нагасаки	ΦК
137016	Nycticorax nycticorax, кваква, 6.II.1883, Нагасаки	ΦК
136643	Ciconia ciconia, белый аист, Япония	ΦК
56847	Anser albifrons, белолобый гусь, 12.I.1883, Нагасаки	ΦК
15327	Anser fabalis, гуменник, 22.XII.1883, Фу-чао	ΦК
30954	Anas formosa, клоктун, 16.XII.1882, Нагасаки	ΦК
14895	Anas falcata, касатка, 9.I.1883, Нагасаки	ΦК
30630	Anas penelope, свиязь, самец, 22.I.1883	ΦК
39668	Aythya marila, морская чернеть, 11.I.1883, Нагасаки	ΦК
1385	Bucephala clangula, гоголь, XI.1882, Нагасаки	ΦК
38770	Melanitta nigra, синьга, 1.VI.1882, Япония (Найоро, южный Сахалин)	ΦК
131324	Buteo buteo japonicus, канюк, 20.І.1883, Нагасаки	ΦК
114198	Bombycilla japonica, амурский свиристель, 9.IV.1883, Нагасаки	ΦК
115129	Cinclus pallasii pallasii, бурая оляпка, 7.IV.1883, Нагасаки	ΦК
115133	Cinclus pallasii pallasii, III.1883, Япония (Сима-Бара)	ΦК
115137	Cinclus pallasii pallasii, III.1883, Япония (Тара-ямо)	ΦК
147755	Tarsiger cyanurus, синехвостка, 23.I.1883, Нагасаки	ΦК
148438	Calliope calliope sachalinensis, соловей-красношейка, 11. I.1884, Нагасаки	ФК

Другим исследователем был Алан Оустон (Owston, 1853-1915), который предоставил Полякову право выбрать из его обширных коллекционных материалов те образцы, которых у него не хватало. «И в этом случае консул Франции, Жюль Жюслэн (Jules Jouslain), постоянно ме-

381

^{*} Томас Блэкистон (Thomas Wright Blakiston, 1832-1891) — английский орнитолог, исследователь и натуралист. Среди птиц, кроме рыбного филина Ketupa blakistoni (рис. 7), его имя носят Turnix suscitator blakistoni и Anthus spinoletta blakistoni.

ня навещавший, оказал мне громадную услугу, с чрезвычайной, дружественной любезностью и предупредительностью». «Не стесняйтесь выбором, – говорил он мне; всё то, чего у вас в коллекции недостаёт, – берите, уплатою за всё буду отвечать я сам!». В результате Поляков выбрал около 80 видов птиц, которых у него «или недоставало, или же я имел их в униках, когда они казались мне высоко интересными в научном отношении» (Поляков 1884, с. 56). Среди отобранных экземпляров были виды, гнездящиеся и на Сахалине, и в Южно-Уссурийском крае. Кроме птиц, встречающихся в Южной Азии и временно обитающих в Японии, были и такие, которые свойственны северным частям Японского архипелага. Много было взято птиц, добытых на Курилах («островах Непокорных»). Тогда эта коллекция имела для Полякова особое значение: она представляла материал, связывающий воедино орнитологические наблюдения на Сахалине, в Приморской области и на юге Японии в одно целое.

Иван Семёнович Поляков по сей день остаётся уникальным учёным, но его научное наследие изучено всё ещё слабо. Этикетки на зоологических экспонатах Музея (табл. 1) позволяют восстановить маршруты его научных путешествий и помогают понять, когда и при каких обстоятельствах были им собраны некоторые материалы по фауне Восточной Азии, которыми обладает в настоящее время Зоологический институт РАН в Санкт-Петербурге (ЗИН РАН).

И.С.Поляков оказался в Японии при новых политических и социальных условиях, в то время, когда при проведении разного рода исследований её территория была относительно доступна для иностранцев (европейцев). Но так было не всегда, и ранее проникнуть внутрь Японии было непросто.

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на ботанических исследованиях, на первый взгляд, не относящихся непосредственно к орнитологическим коллекциям Музея. В Санкт-Петербурге, в библиотеке Ботанического института РАН им. В.Л.Комарова хранится «восьмитомное» собрание из 1054 изображений японских растений под названием «Flora japonica delineationibus», что можно перевести как «Флора Японии в иллюстрациях» или «Рисованная японская флора, 1833-1850» (Чёрная 2011). Создателем этой выдающейся коллекции был один из первых европейских исследователей Страны Восходящего Солнца, немецкий врач и натуралист Филипп Франц фон Зибольд (Philipp Franz Balthasar Freiheer von Siebold, 1796-1866). В 1820 году он окончил медицинский факультет университета в Вюрцбурге, а в 1822 году поступил на службу в вооружённые силы Нидерландов в качестве военного врача. В начале 1823 года Зибольд был командирован в Нидерландскую Ост-Индию, откуда через несколько месяцев переведён на остров Дэсима (Дэдсима) для обслуживания местной голландской колонии. Многочисленные предметы из Японии, вывезенные Зибольдом в 1825 году, легли в основу коллекции Национального музея этнологии в Лейдене (Нидерланды) — одного из старейших этнографических музеев мира. Появление в Европе в первой трети XIX столетия обширной коллекции достоверных изображений японских растений стало долгожданным событием и для учёных, и для широкого круга любителей ботаники. Собрание Зибольда открывало новые горизонты в познании растительного мира далёкого архипелага, на протяжении столетий остававшегося загадочным и таинственным. Но, у Зибольда были предшественники в коллектировании ботанических предметов в Японии: немецкий врач Энгельберт Кемпфер (Е.Каетрher, 1651-1716) и шведский медик Карл Петер Тунберг (С.Р.Thunberg, 1743-1828).

Как писал А.Н.Мещеряков (2006), «с точки зрения Запада, вся Япония до середины XIX века находилась "в тени": минимум контактов привёл к тому, что сведения о Японии были фрагментарны и зачастую не соответствовали действительности. Книги о Японии были настоящей редкостью». Русский писатель и член-корреспондент Петербургской Академии наук И.А.Гончаров (1812-1891) в одном из своих очерков уподоблял Японию «запертому ларцу с потерянным ключом» (Гончаров 1986). То же самое можно сказать и о самих японцах: они довольствовались теми сведениями о Европе, которые сообщали им купцы их Ост-Индской компании. Этим торговым людям разрешали останавливаться на крошечном искусственном острове Дэсима возле Нагасаки (с 1641 года остров служил резиденцией для голландской Объединённой Ост-Индской компании). Однако они не имели права покидать его. Тогда, кроме голландских и китайских торговцев, всем остальным иностранцам въезд в Японию был запрещён. Самоизоляция Японии от внешнего мира (вплоть до революции Мэйдзи* 1868 года) сделала страну малодоступной для иностранцев. Японское правительство ещё в конце XVIII века отказывалось вступать в дипломатические отношения как с Великобританией и Францией, так и с Россией. Однако в течение XVII - середины XIX века Япония поддерживала дипломатические и торговые связи со своими традиционными партнёрами: Китаем, Кореей, островами Рюкю (Лиу-Киу, до 1609 года находились под влиянием Китая, в дальнейшем – Японии). Правительство торговало с ними на Цусиме, Суцуме, на юге Хоккайдо (до 1869 года – Эдзо, или Эзо, Үего) и на Дэсиме. Здесь, изолированные в гавани Нагасаки на островке Дэсима, иностранцы находились в особых условиях. Их нарушение могло привести к неприятностям и даже могло поставить под угрозу жизнь виновного и связанных с ним людей. Иногда, в виде исключе-

^{*} Эта революция происходила в период «просвещённого правления» императора Муцухито («Мэйдзи», 1852-1912), в результате чего была восстановлена императорская власть и открыты границы для европейцев. Тогда, после «переворота», Японию мощным потоком захлестнули достижения западной цивилизации.

ния, поселенец мог «в установленном порядке» оформить специальное разрешение и на короткий срок оставить пределы острова (не более чем на 24 часа и без возможности ночлега вне острова). Однако такая свобода, в окружении свиты сопровождения, стоила немалых денег и ограничивалась временем, местом и заявленной целью. Например, путешествие в Эдо (с 1868 года — Токио; новая, после Киото, столица Японии), с 1792 года происходило всего один раз за 4-летний период. Судя лишь по некоторым эпизодам из обыденной жизни, существование на острове больше походило на томительное тюремное заключение, однообразную скуку которого выразительно охарактеризовал К.П.Тунберг: «Заживо сходит в могилу европеец, осуждённый на житьё в этом уединении» («Путешествие по Японии», 1854).

Жить на Дэсима было нелегко, но чтобы попасть на этот закрытый островок, учёному-натуралисту нужна была не только сильнейшая личная мотивация, но и большая удача. Так, например, один из пионеров научного изучения Японии – Э.Кемпфер достиг Японии после многолетних странствий: в 1685-1694 годах в качестве судового врача он побывал на побережьях Аравии, Индостана, в Сиаме, на Суматре. Оттуда Кемпфер попал в «таинственную Японию», где в качестве врача голландской миссии прожил два года. Благодаря стечению обстоятельств любознательному доктору тогда удалось дважды побывать в Эдо и собрать обширную и разнообразную информацию, среди которой нашлось место и для ботаники. Как раз в то время европейцы впервые познакомились с описаниями и «портретами» таких «звёзд» растительного мира, как японская камелия Camellia japonica, гингко Gingko biloba и др. Деятельность Кемпфера долгое время была для Запада основным источником сведений о растениях Японии. Кроме того, Кемпферу принадлежит труд «История Японии», который спустя одиннадцать лет после его смерти был переведён на английский язык и опубликован в Лондоне.

Спустя много лет европейцы получили новую «ботаническую пищу», добытую К.П.Тунбергом. Второй европейский исследователь Японии, подобно Кемпферу, был врачом, но, в отличие от предшественника, он жил уже в другую научную эпоху. Шведский доктор учился в университете Упсала и был последователем своего соотечественника Карла Линнея (1707-1778), реформаторские идеи которого воодушевили Тунберга на получение второй (ботанической) профессии. В итоге на Дэсима прибыл не только квалифицированный доктор, но и профессиональный деятель новой ботаники. Но спустя полвека, к моменту прибытия Тунберга в 1775 году жизнь голландцев в Японии практически не изменилась: строгая изоляция сохранялась. На Дэсима ботаник был «отлучён» от природы, и чтобы гербаризировать вынужден был «общаться через переводчиков», которых он расспрашивал о растениях и

через посредство которых приобретал некоторые живые образцы. Случалось, что исследователю приходилось извлекать интересующие его экземпляры в процессе «изучения» травы и сена, доставляемых на остров в качестве корма для скота. Только пополнение набора лекарственных средств являлось весомой причиной, по которой доктор мог получить разрешение для сбора растений в ближайших окрестностях Нагасаки. Однако из-за необходимости оплачивать услуги лиц сопровождения, подобные экскурсии «на природу» были для него событием исключительным. Он терпел, не роптал, но после пятнадцати месяцев упорной работы осознал, что доступные ему методы добывания информации становятся всё более проблематичными. В результате шведский исследователь счёл нецелесообразным оставаться на Дэсима и вернулся в Европу, где занялся обработкой уже добытых материалов. В 1784 году Тунберг опубликовал на латыни труд «Flora Japonica», в котором представил более 800 описаний японских растений, в том числе около 370 новых для науки видов. Такие убедительные результаты вызвали глубокое уважение к масштабной личности коллекционера, работавшего в сложнейшей обстановке. За весомый вклад в новую японскую ботанику его удостоили званием «Японский Линней».

Труд Тунберга был большим достижением, но он подразумевал дальнейшее продолжение начатых исследований. Тем не менее, время шло, а новые действующие лица не появлялись. В факторию требовался особенный доктор, разносторонне образованный и высокоодарённый, сочетающий страстную увлечённость наукой и преданность делу, человек предприимчивый и коммуникабельный. И тогда на переднем плане оказался Филипп фон Зибольд. Ботаника была его любимой областью естественной истории, а ботанические коллекции относились к сфере его индивидуальных интересов и составляли базу задуманной им научной работы. Тем не менее, в 1824 году в одном из писем, адресованном в Лейден зоологу Конраду Якобу Темминку (1778-1856), первому директору Музея естественной истории, Зибольд просил о содействии в обработке зоологических материалов. В результате Темминк вместе с Германом Шлегелем взяли на себя труд по обработке всех позвоночных животных, собранных Зибольдом в 1823-1829 годах во время его путешествия по Японии. Впоследствии Зибольд вместе с Темминком, Шлегелем и де Хааном стал соавтором «Fauna Japonica» (Лейден, 1833-1851). К этому следует добавить, что, как это было типично в тот период, собранные Зибольдом материалы (не флористического характера), в том числе первые экземпляры гигантской японской саламандры Andrias japonicus, были отправлены несколькими партиями в различные европейские музеи (кроме Музея в Петербурге).

Один из участников кругосветного путешествия на корабле «Надежда» (1803-1807) под командованием Ивана Фёдоровича Крузен-

штерна (1770-1846) – Григорий Иванович Лангсдорф (1774-1852), в будущем российский академик, исследователь Камчатки, Сибири и Бразилии, генеральный консул в Рио-де-Жанейро, в 1804-1805 годах в составе посольства камергера Н.П.Резанова (1764-1807) посетил Японию (Нагасаки). Эта была первая российская миссия в эту страну. История посольства Резанова известна: все попытки установить русско-японские отношения окончились ничем. Более того, члены посольства и экипаж «Надежды» оказались в плену и находились под строжайшим, едва ли ни тюремным надзором. Прогулки были разрешены, но лишь на клочке земли размером сто на сорок шагов. В то время Лангсдорфу уже были известны труды, посвящённые Японии, из которых особой основательностью отличались те, что принадлежали перу Э.Кемпфера и К.Тунберга. Но теперь представилась возможность в течение полугода наблюдать Японию своими глазами. Несмотря на изоляцию, натуралисту и этнографу Лангсдорфу удалось собрать на японских берегах разнообразные сведения о природе, населении и культуре. Лангсдорф был хорошим рисовальщиком. Кроме зарисовок этнографического характера, другим его занятием была ихтиология. Ещё в 1797-1803 годах, сразу после окончания университета и получения степени доктора медицины, он оказался в Лиссабоне, где кроме врачебной практики занимался изучением разнообразия рыб. Там для сохранения ихтиологических препаратов он разработал свой рецепт мышьяковистого мыла, которое не только предохраняло рыбьи шкурки от гниения, но сохраняло их неповторимую цветовую гамму (Лангсдорф 1805). Материалы об изготовлении чучел рыб, а также несколько препаратов, отправленные Лангсдорфом в Петербургскую академию наук, побудили её избрать в январе 1803 года «доктора медицины из Лиссабона» своим членомкорреспондентом, и это обстоятельство привело Лангсдорфа в августе того же года в число участников первого русского кругосветного плавания. В Японии Лангсдорф решил не оставлять «ихтиологические штудии». Учёный просил японца, доставлявшего в резиденцию провизию, приносить больше разнообразных рыб. Позднее он сообщал, что в течение последних трёх месяцев пребывания в Японии получил около 400 экземпляров, принадлежащих к 150 различным родам («Magazin fur den neuesten Zustand der Naturkunde, 1806» – цит. по: Комиссаров 2013, с. 39). Лангсдорф рисовал и описывал этих рыб, а кроме того, благодаря тайной договорённости с переводчиками ему удалось приобрести несколько рисунков местных животных. Опубликованное в 1812 году описание этого кругосветного путешествия оказалось впоследствии важным источником для изучения истории и этнографии Японии.

Вскоре Япония была вынуждена принять новые правила поведения во внешней торговле. Произошло это после дипломатической

(морской) экспедиции вице-адмирала Е.В.Путятина* в 1853 году и американского коммодора Мэтью Кэлбрейта Перри (1794-1858). Начинался новый этап и открывались новые перспективы для развития разного рода отношений японской империи с ближними и дальними государствами. Ослабление ограничительного периода началось в 1850-х годах. В 1854 году были открыты для иностранцев три порта — Нагасаки, Симода и Хакодате, русские суда стали свободно заходить в эти гавани. Япония всё ещё продолжала придерживаться курса политики изоляции от внешнего мира и японцам было запрещено выезжать за границу. Айка Тамура (2005, с. 75) сообщает, что только в 1862 году впервые во Владивосток прибыли молодые японцы из Инаса (поблизости от Нагасаки) на русском судне «Маньчжурия». С тех пор для японцев Владивосток стал воротами в Азиатскую Россию.

К периоду модернизации Японии относится весьма примечательная коллекторская деятельность Карла Ивановича Максимовича (1827-1891), одного из первых исследователей островов Японского моря, выдающегося российского «ботанического востоковеда». Среднее образование он получил в петербургском училище Святой Анны (Annenschule), а высшее – в 1845-1850 годах в Дерптском университете. По окончании учёбы он был определён помощником директора Дерптского ботанического сада, а в 1852 году переведён в Петербург консерватором в Императорский ботанический сад[†]. По поручению Ботанического сада в 1853 году Максимович вместе с этнографом и зоологом Леопольдом фон Шренком (1826-1894) предпринял путешествие вокруг света на фрегате «Диана» под командованием адмирала Е.В.Путятина. В этой экспедиции принимал участие естествоиспытатель, натуралист, географ и путешественник по Восточной Сибири Ричард Карлович Маак (1825-1886). Когда в 1854 году судно прибыло в бухту Де Кастри (после 1952 года – залив Чихачёва, Японское море), то из-за Восточной войны (Русско-Турецкая Крымская война, 1853-1856 годы) Максимовичу пришлось остаться на материке, в Приамурье, до 1857 года. Тогда с большими затруднениями и с малыми средствами он исследовал растительность этого почти неизвестного края и собрал богатую коллекцию, которую по возвращении в Петербург обработал и издал. За этот труд он был удостоен Демидовской премии.

В 1859 году, после избрания адьюнктом Санкт-Петербургской Академии наук, К.И.Максимович предпринял новое путешествие через Сибирь в Иркутск, в Забайкалье, по Сунгари и Уссури в Николаевск, а далее — в Японию, на остров Хоккайдо. Осенью 1860 года он отправил-

^{*} В 1855 году в городе Симода Евфимий Васильевич Путятин (1803-1883) подписал Японско-российский договор о дружбе и торговле — первое дипломатическое соглашение между Российской империей и Японией. Этот трактат стал весомым вкладом в завершение политической изоляции Японии.

 $^{^{\}dagger}$ В то время уже существовало мнение, что лучшие научные силы пришли в Академию наук из Дерптского университета.

ся в Нагасаки, чтобы оттуда совершать поездки по южной Японии. В этот период пребывания Максимовича в Японии, несмотря на «открытие» страны, иностранцы всё ещё не имели права свободного передвижения и допускались только в районы открытых портов, где могли находиться не далее 10-30 вёрст от города. Для более глубокого проникновения внутрь территории приходилось нанимать «туземцев», которые собирали материал фактически наугад. Тогда Карл Иванович обучил ботаническому коллекционированию нанятого им молодого слугу Сугава Тёносукэ (1842-1925). Сугава-сан гербаризировал в разных частях Японии; он работал там, куда вследствие ограничений, наложенных японскими властями, не мог попасть русский исследователь, и благодаря этому собрал богатейшие материалы. За годы работы с русским ботаником сопровождавший его слуга стал первым в Японии профессиональным коллектором, труд которого оказался незаменимым для ботанической науки. По представлению Карла Ивановича японский коллектор гербария был принят на службу Императорским ботаническим садом в Петербурге и в течение трёх лет работал на постоянной основе. Таким образом, Сугава Тёносукэ стал первым японским гражданином, официально состоявшим на службе русской науки (Чёрная 2012). Связь с коллектором осуществлялась через российское консульство в Хакодате, глава которого Иосиф (Осип) Антонович Гошкевич (1814-1875) выплачивал сотруднику положенные ему 300 рублей годового жалования, сообщал инструкции и пожелания Максимовича.

Оттуда, с островов Хоккайдо и Кюсю, более 150 лет назад Максимович отправил в Музей коллекцию птиц (табл. 2). Об этом событии сообщал в издании к 50-летию Музея А.А.Штраух (1889, с. 91): «От путешественника Императорского Ботанического Сада, кандидата Карла Ивановича Максимовича в 1861 году получен зоологический материал не только из Уссурийского края и Манчьжурии, но также из Японии». Как видно, основная часть образцов этой коллекции действительно датирована 1861 годом, реже – концом 1860 и 1862 (табл. 2; рис. 8, 9). В то время земли к северу от острова Хонсю, на Хоккайдо были особенно интересны для любого исследователя. По словам Максимовича, всё «то, что растёт здесь, без сомнения дико, и не насажено» (Максимович 1883). То же относилось и к птицам, вовсе не известным на этом участке Японского архипелага. На Хоккайдо (в Хакодате) сбор материала «был сопряжён со значительными физическими усилиями и бытовыми трудностями, однако, такие мелочи не уменьшали энтузиазма Карла Ивановича, который в течение 14 месяцев с огромным интересом работал на практически не изученной территории» (Чёрная 2012). Гербарий и птиц упаковывали в ящики, и отправляли или с русскими военными кораблями «кругом света», или через посредство английских торговых домов в Йокогаме и Шанхае. Большую часть пути посылки обычно совершали «по воде», но иногда им случалось путешествовать главным образом по суше, через Китай и Сибирь. В 1862 году Максимович оставил Хоккайдо и переехал в южные пределы страны, сначала в Йокогаму, а затем в Нагасаки. Только в 1864 году он возвратился в Петербург.

Таблица 2. Некоторые виды (подвиды) птиц в экспозиции Зоологического музея и в фондовой коллекции (ФК) ЗИН РАН, поступившие из Японии от К.И.Максимовича

Nº	Название и сведения из этикетки	Витрина Музея, ФК
205	Ixobrychus eurhythmus, амурский волчок, самец, IX.1861, Hakodate,	407.4
1378	Maximowich (№ 140) Gallinago hardwickii, японский бекас, Japan (Yezo), самец, 19.V.1861,	107.1
1370	К.И.Максимович	91.7
2969	Cyanoptila cyanomelana intermedia, голубая мухоловка, самец, № 154727, 5.V.1861, Япония (Хакодате, о. Хоккайдо)	82.6
2998	<i>Lanius bucephalus bucephalus</i> , японский сорокопут, № 155005, самец, 16.V.1861, Хакодате	82.7
3140	Passer cinnamomeus rutilans, рыжий воробей, № 6707, 23.IV.1861, Hakodate	82.1
136820	Ixobrychus eurhythmus, амурский волчок, самка, 16.IX.1861, Хакодате	ФК
137613	Cygnus cygnus, лебедь-кликун, самец, 27.І.1861, остров Yezo	ФК
56846	Anser albifrons, белолобый гусь, самка, 19.III.1861, Yezo	ФК
30913	Anas crecca, чирок-свистунок, самец, 29.III.1861, Хакодате (Yezo)	ФК
30760	Anas acuta, шилохвость, самка ad, 1861, Yezo	ФК
39637	Aythya fuligula, хохлатая чернеть, самец, 29.V.1861, Хакодате (Yezo)	ФК
1400	Bucephala clangula, гоголь, 22.1.1861, Япония (Yezo)	ФК
56195	Rallus aquaticus, водяной пастушок, самец juv, 26.IX.1861, Хакодате	ФК
56196	Rallus aquaticus, самец juv, 23.VIII.1861, Хакодате	ФК
138480	Porzana fusca,самец, 25.V.1861, Япония (Хакодате)	ФК
34165	Nucifraga caryocatactes japonica, самец, 11.IX.1861, Хакодате	ФК
5835	Corvus macrorhynchos, самка, 1862, Хакодате	ФК
1940	Mergus serrator, динноносый крохаль, самец, 29.III.1861, Hakodate (Yezo)	ФК
1941	Mergus serrator, самка, 15.XII.1860, Hakodate (Yezo)	ФК
131322	Buteo buteo, канюк, 29.VI.1861, Хакодате	ФК
118042	Spizaetus nipalensis orientalis, восточный хохлатый орёл, самка,	
	27.II.1861, Хакодате	ФК
75230	Falko peregrinus, сапсан, самец, 13.IX.1861, Хакодате	ФК
36177	Otus sunia japonica, восточная совка, самец, 17.IX.1861, Хакодате	ФК
133796	Otus bakkamoena, ошейниковая совка, самка, 28.XII.1860, окр. Хакодате	ФК
133797	Otus bakkamoena, самец, 28.IX.1861, окр. Хакодате	ФК
133737	Nyctea scandiaca, белая сова, самец, 29.XII.1860, Хакодате	ФК
114206	Bombycilla japonica, амурский свиристель, 23.V.1861, Хакодате	ФК
115132	Cinclus pallasi pallasii, бурая оляпка, 14.IX.1861, окр. Нагасаки (Кюсю)	ФК
148262	Larvivora akahige, японская зарянка, самец, 21.IV.1861, Хакодате	ФК
148251	Prunella rubida fervida, японская завирушка, самец, XI.1861, Хакодате	ФК

В 1869 году К.И.Максимович был назначен главным ботаником Императорского ботанического сада и занялся разработкой собранного им материала. В середине 1870-х годов в гербарные хранилища Бота-

нического сада стали поступать экспедиционные сборы русских путешественников — Николая Михайловича Пржевальского (1839-1888), Павла Яковлевича Пясецкого* (1843-1919), Григория Николаевича Потанина (1835-1920), Михаила Васильевича Певцова (1843-1902) и ряда других исследователей. Коллекции, собранные ими, значительно обогатили фонды нескольких академических музеев, прежде всего Зоологического и Ботанического. Их обработка и введение в научный оборот потребовали многолетнего кропотливого труда многих специалистов, в том числе и К.И.Максимовича.

Рис. 8. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге (от К.И.Максимовича): слева — *Cyanoptila cyanomelana intermedia*, в центре — *Passer cinnamomeus rutilans*, справа — *Lanius bucephalus bucephalus*. Фото автора.

С 1870 года К.И.Максимович был директором Ботанического музея, а в 1871 году избран экстраординарным, а затем и ординарным академиком Санкт-Петербургской Академии наук. По поручению Академии он выкупил у вдовы Филиппа фон Зибольда коллекцию ботанических иллюстраций (те самые восемь «томов»), выполненных японскими художниками. К тому времени сведения, собранные Кемпфером и Тунбергом, при всей их важности и основательности, относились к далёкому прошлому и были уже совершенно недостаточными. Вскоре Карл Иванович Максимович стал первым в Европе знатоком японской флоры. Трогательную характеристику Карлу Ивановичу дал после его

.

^{*} Павел Яковлевич Пясецкий – врач и художник в экспедиции Юлиана Адамовича Сосновского (1842-1897) в Китай, где, кроме всего, занимался сбором ботанического и зоологического материала (Штраух 1889, с 99). Он автор «Путешествия по Китаю», 1874-1875; ему принадлежит создание самого длинного в России художественного полотна – «Персидской панорамы» (около 60 метров), которое хранится в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже.

смерти Пётр Петрович Семёнов (после 1906 года — Семёнов-Тян-Шанский): «Не кабинетный только учёный, обладавший громадной эрудицией, но много и долго работавший в величественном храме природы, разносторонне образованный, замечательный путешественник, с широким, ясным взглядом, неутомимый работник, точный и тщательный ... Чуждый мелкого самолюбия, всегда ровный, спокойный и мягкий в обращении, с любовью следивший за первыми шагами молодых ботаников, Максимович во всех знавших его лично оставил по себе неизгладимое воспоминание».

Рис. 9. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева – *Coturnix japonica* (№ 7154, ♂, 13.IX.1860, Japonica, Wulfius), справа – *Gallinago hardwickii* (№ 1378, ♂, 19/V-1861, Kandsi, Yezo, Максимович). Фото автора.

Рис. 10. Этикетки к музейным экспонатам (Зоологический музей РАН). Слева – *Coturnix japonica* (Japonica, Wulfius); справа – Gallinago hardwickii (Yezo, Maximowich).

В смутные времена первой половины 60-х годов XIX века условия для коллекционирования естественноисторических предметов в Японии всё ещё оставались непростыми и небезопасными. Тем не менее, исследовательские усилия продолжались и разнообразный материал (позвоночные и беспозвоночные животные) из Восточной Азии посту-

пал в Музей от известных и малоизвестных собирателей, что вошло в «копилку» и орнитологических знаний. Об этом свидетельствует в своём отчёте Александр Александрович Штраух (1889), хотя некоторых коллекторов он тогда не назвал.

Таблица 3. Некоторые виды (подвиды) птиц в экспозиции Зоологического музея и в фондовой коллекции (ФК) ЗИН РАН, поступившие из Японии

		ı
Nº	Название и сведения из этикетки	Витрина Музея, ФК
853	Phasianus versicolor, зелёный фазан, № 1410, самец, Япония,	
	C.J.Temminck	97.6
865	Syrmaticus soemmerringii, медный пёстрый фазан, №1433, самка, Япония,	07.0
000	Temminck	97.6
866 953	Syrmaticus soemmerringii, №1434, самец, Япония, Temminck Coturnix japonica, немой (японский) перепел, № 7154, самец, 13.IX.1860,	97.6
903	<i>Coturnix japonica</i> , немой (японский) перепел, № 7154, самец, 13.1A.1660, Japonica, P.M.Wulffius	97.9
1240	Synthliboramphus wumizusume, хохлатый старик, Japan, Temminck	92.
2513	Picus awokera, японский зелёный дятел, самец, XI.1924,	
	из «N.Taka-Tsukasa Collection»	61.3-61.4
2517	Dendrocopos kizuki, малый острокрылый дятел, самка, Japan, Temminck	61.3-61.4
2638	Garrulus glandarius japonicus, японская сойка, Japan (Kasitori), Temminck	84.5
2610	Urocissa caerulea, лазоревая сорока, 26.II.1928, Taiwan (Formosa),	04.5
2613	из «Taka-Tsukasa Collection»	84.5 84.5
2795	Dendrocitta formosae, серогрудая древесная сорока, 1866 Parus cinereus minor, восточная синица, № 154859, Япония, Теттіск	84.4
2984	Bombycilla japonica, японский (амурский) свиристель, № 154998, Япония,	04.4
2304	1854, Е.И.Шрадер	82.7
3035	Sturnia philippensis, японский скворец, самец, Japan, Temminck	82.7
3257	Schoeniclus spodocephala personatus, седоголовая овсянка, Japan,	
	Temminck	82.2
3258	Schoeniclus variabilis, сизая (аспидная) овсянка, самец, Japan, Temminck	82.3
3259	Schoeniclus variabilis, самка, Japan, Temminck	82.3
3404	Pyrrhula pyrrhula griseiventris, амурский снегирь, 1854, Japan, Шрадер	82.4
3602	Larvivora akahige, японская зарянка, самец, Japan, Temminck	81.3
3609	Turdus naumanni eunomus, тёмный дрозд, Japan, Temminck	81.3
3612	Turdus cardis, белобрюхий дрозд, Japan, Temminck	81.3
137168	Casmerodius albus, большая белая цапля, 7.IX.1882, Япония (Йокогама), A.Owston	ФК
137337	Bubulcus ibis, египетская цапля, 7.IX.1882, Йокогама, Owston	ФК
137349	Bubulcus ibis, 24.V.1883, Йокогама, Owston	ФК
137073	Egretta garzetta, малая белая цапля, самка, 12.VI.1927, Япония (Токио),	
	Нагамити Курода	ФК
137076	Egretta garzetta, 1854, Йокогама, H.A.Pryer (Прайер)	ФК
136998	Nycticorax nycticorax, кваква, 1886, Япония, Семёнов	ФК
136914	Gorsachius goisagi, японская кваква, Япония, Семёнов	ФК
136915	Gorsachius goisagi, 12.IV.1883, Йокогама, Owston	ФК
136916	Gorsachius goisagi, Йокогама, Pryer	ФК
136839	Ixobrychus sinensis, китайский волчок, Йокогама, Pryer	ФК
136840	Ixobrychus sinensis, 4.X.1882, Йокогама, Owston	ФК
136752	Botaurus stellaris, большая выпь, самец, 21.II.1883, Йокогама, Owston	ФК
136759	Botaurus stellaris, 1886, Япония, Семёнов	ФΚ
136456	Platalea leucorodia, колпица, Йокогама, Owston	ФК

Продолжение таблицы 3

Nº	Название и сведения из этикетки	Витрина Музея, ФК
57198	Anser erythropus, пискулька, II.1883, Япония (Кобе), Owston & Snow	ФК
30956	Anas formosa, клоктун, самец, 24.XII.1896, Япония, из колл. С.Н.Алфераки	ΦК
30958	Anas formosa, Япония, Семёнов	ΦК
30759	Anas acuta, шилохвость, самец ad, 1908, Япония (Ниппон, Кобе), А.К.Мольтрехт	ФК
1030	Aix galericulata, мандаринка, Йокогама, Snow (без даты)	ΦК
1032	Aix galericulata, Япония, Семёнов	ΦК
56197	Rallus aquaticus, водяной пастушок, самка, Х.1923, Япония (Хондо), Taka-Tsukasa	ФК
56194	Rallus aquaticus, Йокогама, Owston	ФК
128809	<i>Porzana pusilla,</i> погоныш-крошка, 20.VII.1908, Япония (горы Фуйи), Owston (кол. П.Сушкина)	ФК
56560	Porzana fusca, красноногий погоныш, 1854, Япония, Шрадер	ФК
56053	Gallinula chloropus, камышница, 22.Х.1883, Йокогама, Owston & Snow	ФК
33968	Garrulus glandarius japonicus, японская сойка, самец, самец ad, 1908,	
	Кобе, Мольтрехт	ФК
33972	Garrulus glandarius japonicus, ad, 18.IX.1882, Йокогама, Owston	ФК
33976	Garrulus glandarius japonicus, самец ad, 9.І.1925, Хондо, Курода	ΦК
34176	Nucifraga caryocatactes japonica, японская кедровка, самка ad, III.1923, Taka-Tsukasa	ФК
33287	<i>Cyanopica cyanus japonica,</i> японская голубая сорока, 14.I.1915, Япония (Кадуза), Курода	ФК
38926	Histrionicus histrionicus, каменушка, 1886, Япония, Семёнов	ΦК
131320	Buteo buteo, канюк, самец, XII.1922, Япония (Шинано), Taka-Tsukasa	ΦК
131354	Buteo buteo, Йокогама, Pryer	ΦК
127888	Buteo buteo, ad, IV.1903, Хондо, Owston	ΦК
127890	Buteo buteo, ad, 14.VI.1905, Япония (о. Миекидзима), Owston	ΦК
78345	Butastur indicus, ястребиный сарыч, 17.XII.1926, Япония, Рюкю (Лиу-Киу), П.Ю.Шмидт	ФК
78347	Butastur indicus, 1.I.1927, Япония, Рюкю (Лиу-Киу), Шмидт	ΦК
118043	Spizaetus nipalensis orientalis, восточный хохлатый орёл, самка, 18.II.1882, Йокогама, Owston	ФК
12790	Aquila chryaetos, беркут, Yokohama, Pryer	ΦК
12790	Aquila nipalensis, степной орёл, Yokohama, Pryer	ΦК
130289	Haliaeetus pelagicus, белоплечий орлан, Япония (Хакодате), Pryer	ΦК
118313	Circus cyaneus, полевой лунь, Йокогама, Pryer	ΦК
117473	Pandion haliaetus, скопа, Йокогама, Pryer	ΦК
75228	Falco peregrinus, сапсан, Йокогама, Pryer	ΦК
75308	Falco peregrinus, 15.X.1860, между Хакодате и port Mai (бухта Золотой Рог), П.А.Вульфиус	ФК
76276	Falco columbarius, дербник, Йокогама, Pryer	ΦК
76396	Falco tinnunculus, обыкновенная пустельга, Йокогама, Pryer	ΦК
76398	Falco tinnunculus, 3.II.1909, центр. Формоза, Moltrecht	ФК
36179	Otus sunia japonica, восточная совка, 1893, Япония, из колл. Мензбира	ФК
36185	Otus sunia japonica, Япония, Taka-Tsukasa	ФК
37296	Asio otus, ушастая сова, Япония, Pryer	ФК
133880	Glaucidium brodiei,ошейниковый воробьиный сыч, 24.IV.1908, Тайвань (Формоза), Мольтрехт	ФК
133986	Ninox scutulata japonica, иглоногая сова, Йокогама, Pryer	ФК
37505	Strix uralensis, длиннохвостая неясыть, Япония, Pryer	ФК

Nº	Название и сведения из этикетки	Витрина Музея, ФК
37507	Strix uralensis, самец, 1862, port Mai, Вульфиус	ФК
114091	Bombycilla japonica, амурский свиристель, самец, Япония, Семёнов	ΦК
114204	Bombycilla japonica, 1908, Кобе, Мольтрехт	ΦК
114205	Bombycilla japonica, 1886, Япония, Семёнов	ΦК
121724	Bombycilla japonica, Япония, из колл. М.А.Мензбира	ΦК
115128	Cinclus pallasii pallasii, бурая оляпка, 1886, Япония, Семёнов	ΦК
133791	Otus bakkamoena, ошейниковая сойка, Йокогама, Pryer	ФК
133794	Otus bakkamoena, 1886, Япония, Семёнов	ФК
147754	Tarsiger cyanurus, синехвостка, самец, 2.І.1927, Кюсю (Киу-Сиу), Курода	ФК
147756	Tarsiger cyanurus, Япония, Temminck	ФК
147758	Tarsiger cyanurus, Япония, Pryer	ФК
147779 148702	Tarsiger johnstoniae, тайваньский соловей, самец, III.1908, Тайвань (Формоза), Мольтрехт Larvivora cyane gracilis, синий соловей, самец, VI.1924,	ФК
140702	Япония (Хондо), Курода	ФК
121018	Larvivora cyane bochainensis, 27.V.1907, Япония (Фудзи), Owston	ФК
148263	Larvivora akahige, японская зарянка, самец, V.1924,	
	Япония (Хондо, пров. Шинано), Курода	ΦК
148258	Larvivora akahige, самец, 14.XI.1881, Нагасаки, из колл. Н.А.Северцова	ФК
148287	Larvivora komadori, черногорлая зарянка, Япония (о-ва Рюкю), Owston	ФК

Поблизости от берегов Японии и на русском побережье Японского моря работал зоолог и судовой врач корвета «Гридинг» Павел Александрович Вульфиус (Paul Magnus Wulffius, 1830-1896). «Летом 1860 года он ловил бабочек, стрелял и препарировал птиц» (Новомодный 2012) в пунктах, обозначенных на английских картах того времени как «Port Mai, Port Bruce, Bai Poissiet» (ныне, соответственно, бухта Золотой Рог, заливы Славянский и Посьета). После этого в Музей в 1862 году «от морского врача д-ра П.Вульфиуса [поступила] богатая коллекция различных зоологических предметов из Амурского края и Японии» (Штраух 1889, с. 92). Известно, что в 1862-1863 годах добытых Вульфиусом птиц дополнительно обработал Густав Иванович Радде (Radde 1863). Ещё в октябре 1855 года Вульфиус был зачислен на государственную службу на Балтийский флот младшим врачом 28-го флотского экипажа с чином коллежского асессора. В 1857 году он был назначен судовым врачом корвета «Воевода». Тогда он находился в отряде контр-адмирала Дмитрия Ивановича Кузнецова (1805-1889), который в 1857 году возглавил первый Амурский отряд винтовых судов и впервые в истории российского флота вышел из Кронштадта в Тихий океан, к берегам русского Дальнего Востока. Оставшись на Дальнем Востоке, П.А.Вульфиус нёс службу как на берегу, так и на различных кораблях. Судя по некоторым данным, обнаруженным в выставочной и научной коллекциях ЗИН РАН (табл. 3), он собирал птиц преимущественно в пределах российской территории — в окрестностях вновь образованных дальневосточных постов и не только летом 1860 года, но и осенью (13 сентября, 15 октября 1860; рис. 9), а также в 1862 году. Координаты местности, указанные на одной из этикеток (рис. 10), могут служить доказательством орнитологических сборов Вульфиуса и в Японии. В том же 1862 году Вульфиус вернулся в Санкт-Петербург, где ему был пожалован орден Святой Анны 3-й степени «За усердную службу».

Английский натуралист Томас Блэкистон (Thomas Wright Blakiston, 1832-1891) часть своей жизни, с 1861 по 1884 год, провёл в Японии, в основном в Хакодате на Хоккайдо. Сообщалось, что во время Крымской войны он в качестве военнослужащего (лейтенант артиллерии) в составе английского контингента союзных войск принимал участие в осаде Севастополя в 1855-1856 годах, и в этот период в течение двенадцати месяцев проводил наблюдения как орнитолог-исследователь (Бескаравайный 2016). Результаты крымских наблюдений он изложил в «многосерийной» публикации «Птицы Крыма, 1857». Вообще же свои исследования Блэкистон начинал в западной Канаде; там, занимаясь изучением птиц, он коллекционировал их тушки. Кроме того, путешествовал по реке Янцзы в Китае. Однако известным натуралистом стал в Японии. Здесь он сделал весьма важное открытие: установил, что животные на Хоккайдо (самом северном острове Японии) связаны с северной азиатской фауной, тогда как на юге, на Хонсю (прежнее название Ниппон) – с фауной Южной Азии. В связи с этим открытием по проливу Цугару (Сонгарский) между двумя островами была установлена зоогеографическая граница, которая и сейчас известна как «линия Блэкистона». Первая публикация по этому поводу появилась в 1883 году – «Zoological indication of ancient connection of the Japan islands with the continent». Изучению птиц Японии Блэкистон уделял много времени: благодаря его исследованиям и сборам орнитофауна Японии пополнилась более чем сотней новых видов. Ещё при его жизни, в 1886 году, американский орнитолог норвежского происхождения Леонард Штейнегер (Leonhard Hess Stejneger, 1851-1943) оценил его вклад лаконичной фразой: «Наше знание японской орнитологии до Блэкистона находилось в младенческом возрасте, было лишь фрагментарно» (Steineger 1892). За его заслуги на вершине горы Хакодате Томасу Блэкистону был установлен памятник с видом на пролив Цугару и «линию Блэкистона». Самую большую коллекцию птиц Блэкистон собрал на севере Японии (Blakiston 1862); в настоящее время она находится в музее Хакодате.

Выше уже упоминалось, что у Блэкистона был помощник и соавтор некоторых орнитологических работ — энтомолог-лепидоптеролог Генри Прайер. Вместе они опубликовали «Catalogue of the Birds of Japan» и «On the birds of Japan», и эти новаторские орнитологические работы

(Blakiston, Pryer 1878; 1882) послужили основой для будущей монографии британского орнитолога Генри Сибома (Henry Seebohm) «Птицы Японской империи, 1890». Также вместе они обработали коллекцию птиц английского капитана C.Choy (Snow), занимавшегося морским промыслом и сбором орнитологического материала у Курильской гряды в 1873-1889 годах. Для Музея в Петербурге Генри Прайер – один из самых результативных коллекторов Восточной Азии. Находясь в Йокогаме, на острове Хонсю, он явно отдавал предпочтение энтомологическим сборам (в основном чешуекрылым), но, кроме того, добывал и птиц. Он – автор «Каталога чешуекрылых Японии». Также его перу принадлежат «Заметки о Corvus japonensis [Corvus macrorhynchos japonensis/, 1885». Его имя, как коллектора, часто встречается среди орнитологических образцов научной коллекции ЗИН РАН, полученных из Японии (табл. 3). Часть коллекции птиц, собранной Прайером на Японском архипелаге, могла оказаться в Музее в Петербурге отчасти благодаря Ивану Семёновичу Полякову после их знакомства в 1883 году. Японский сверчок Locustella pryeri и два подвида: короткопалый бюльбюль Hypsipetes amaurotis pryeri и ошейниковая совка Otus bakkamoena pryeri названы в честь английского энтомолога Генри Прайера (Паевский 2018, с. 191), как свидетельство уважения, признания его заслуг и таланта.

Во второй половине XIX века развивающаяся японская орнитология «приобрела» ещё одного активного коллектора – Алана Оустона (Owston, 1853-1915). Родился он в Пирбрайте (графство Суррей, южная Англия), и уже в 19-летнем возрасте покинул Англию. Оказавшись в Японии, он вначале работал продавцом и одновременно проявил себя как любитель-натуралист. Впоследствии он стал бизнесменом, яхтсменом (основал в Йокогаме яхт-клуб) и коллекционером восточноазиатской фауны. Очень высоко была оценена его «умопомрачительная по числу предметов» орнитологическая коллекция, отдельные экземпляры которой можно и сегодня найти во многих музеях. В частности, их обладателями стали Смитсоновский институт (Вашингтон, США), Музей естественной истории Карнеги (Окленд, Пенсильвания) и др. Некоторые сборы Оустона в 1908 году оказались в коллекции П.П.Сушкина (вероятно, в результате обмена). Через И.С.Полякова коллекционные образцы английского коллектора в Японии попали в Музей в Петербурге: некоторые из них обнаружены в выставочной и научной коллекциях ЗИН РАН (табл. 3). В честь Алана Оустона назвали гуамского пастушка Gallirallus owstoni Rotschild, 1895 – эндемика острова Гуам (Марианские острова); в настоящее он время числится в Красной книге МСОП (категория EW). Другой вид – Sittiparus owstoni Ijima, 1893, исчезающий эндемик южных островов Идзу (к югу от Японии), который ранее рассматривался как подвид Sittiparus varius owstoni, но по результатам филогенетического исследования (McKay et al. 2014) получил статус вида. Кроме того, именем Оустона названы подвиды Todiramphus albicilla owstoni, Nucifraga caryocatactes owstoni и Dendrocopos leucotos owstoni.

Рис. 11. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева – *Dendrocitta formosae* (1866), в центре – *Zosterops palpebrosa japonica* (№ 154898, Prevost), справа – *Sturnia philippensis* (Japan, Temminck). Фото автора.

Среди птиц Японского архипелага, представленных в Музее, есть экземпляры из коллекций Михаила Александровича Мензбира, Николая Алексеевича Северцова, Петра Петровича Сушкина, Сергея Николаевича Алфераки, Нагамити Куроды, Nobusuke Taka-Tsukasa и Конрада Темминка из Лейденского музея (табл. 3, рис. 11). Самые «старые» экспонаты из Японии могли быть получены от Темминка ещё в первой трети XIX века (возможно, среди них были образцы, собранные Ф.Зибольдом в Японии в 1823-1829 годах). Некоторые предметы (от Куроды и Носуке Така-Цуказа) поступили в Музей после 1917 года, когда Императорская Академия наук была переименована в Российскую Академию наук. Из коллекции автора двухтомной публикации «Птицы Японии, 1943» (рис. 12) – японского орнитолога, коллектора, президента Орнитологического общества Японии, принца Носуке Така-Цукаса (Nobusuke Taka-Tsukasa, 1888-1959) в 1920-е годы в Музей поступило несколько образцов (рис. 13). Така-Цукаса описал подвид малого острокрылого дятла Yungipicus kizuki ijimae (Taka-Tsukasa, 1922). Его имя носят подвиды: Phasianus colchicus takatsukasai, Picus awokera takatsukasae, Sitta europaea takatsukasai (Паевский 2018, с. 210), а также Zosterops semperi takatsukasai и Metabolus takatsukasae – тинианский монарх, распространение которого ограничено островом Тиниан (Содружество Северных Марианских островов) (Dickinson, Christidis 2014, c. 248, 520).

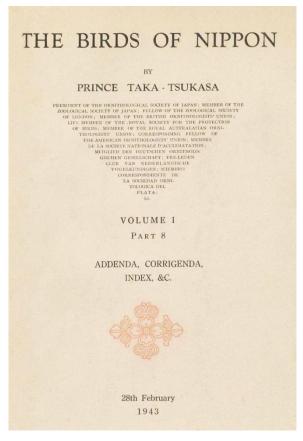

Рис. 12. Титульный лист первого тома «Птицы Японии, 1943» японского орнитолога, коллектора, президента Орнитологического общества Японии, принца Носуке Така-Цукаса (Taka-Tsukasa, Nobusuke).

Рис. 13. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева — *Picus awokera* (Col.: N.Taka-Tsukasa), в центре — *Yungipicus kizuki*, справа — *Spodiopsar cineraceus*. Фото автора.

Своеобразный вклад в коллекцию птиц Музея внёс Е.И.Шрадер. В течение десяти лет (1836-1846) он работал в Музее в должности хранителя после того, как в 1826 году был приглашён из Германии для работы в Кунсткамере в качестве препаратора. Когда Е.Шрадер оставил службу в Музее, о его последующей судьбе было известно только то, что он «состоял при бременском музее» (Брандт 1865, с. 7) и одновременно был связан с одной из европейских зоологических торговых фирм (Баккал 2018, с. 1980). По нашим данным, начиная с 1849 года благодаря его посреднической деятельности Музей начал приобретать небольшие коллекции естественноисторических предметов из дальних и малоизвестных мест (Java, Texas, Senegal, Brasilia, Chili и др.). Впоследствии торговлей выставочными экспонатами занимался и его сын — немецкий орнитолог Густав Шрадер (Там же). Благодаря Е.Шрадеру Музей получал предметы орнитологии по крайней мере до 1854 года, в том числе и из Японии (табл. 3; рис. 14, 15, 16).

Рис. 14. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге, поступившие от Е.И.Шрадера: слева — *Pyrrhula pyrrhula griseiventris*, справа — *Eophona personata personata*. Фото автора.

В 1856 году капитан первого ранга Константин Николаевич Посьет (1819-1889) был командирован в Японию по делам Симодского договора. А уже в 1857 году от К.Н.Посьета и Д.И.Кузнецова Музей получил зоологический материал из Японии (Штраух 1889, с. 89).

В 1858-1865 годы российское консульство на Хоккайдо (тогда единственное официальное представительство России в Японии) возглавлял коллежский советник И.А.Гошкевич – лингвист и востоковед. Ещё по

Симодскому трактату 1855 года японское правительство обязалось предоставить «места и домы» для консульства России; по трактату 1858 года такое право было предоставлено для постоянного жительства в японской столице российских дипломатических представителей. Это право начало действовать (заслуга Гошкевича) в городе Хакодате на Хоккайдо. А в 1860-е годы, когда гаванью «надежды и благополучия» стала Нагасаки, здесь образовалось русское поселение, которое впоследствии стали называть «русской деревней». Ещё в 1852 году Гошкевич был прикомандирован в качестве переводчика и советника к начальнику дипломатической миссии в Японии вице-адмиралу Е.В.Путятину. Возвратившись в Россию в апреле 1856 года, Гошкевич передал в дар Музею первую коллекцию японских позвоночных животных; следующий дар от него последовал в 1861 году (Штраух 1889, с. 88, 91).

Рис. 15. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея: *Terpsiphone atrocaudata* и *Bombycilla japonica* (от Е.И.Шрадера). Фото автора.

В первый состав российского консульства входил старший врач, надворный советник Михаил Петрович Альбрехт, 36-летний уроженец Эстляндии. После окончания в 1848 году медицинского факультета Дерптского университета он успел немало поплавать в должности ко-

рабельного врача на русских кораблях. Как часто случалось в те годы среди военных моряков, он был талантливым ботаником и коллектором (Хисамутдинов 2010). Впрочем, отличным коллектором был и сам И.А.Гошкевич. В 1861-1863 годах от Альбрехта также были получены различные зоологические предметы из Хакодате (Штраух 1889, с. 91-93). Михаил Петрович покинул Хакодате в 1863 году, а около 1867 года скончался в Санкт-Петербурге, не дожив до 46 лет. Перед тем как уехать в Европу, он собирал научные коллекции в бухте Святой Ольги и на Нижнем Амуре (1863). К.И.Максимович назвал в честь Михаила Альбрехта японский вид рододендрона *Rhododendron albrechti*.

Рис. 16. Орнитологические сборы из Японии в экспозиции Зоологического музея в Санкт-Петербурге: слева — *Locustella ochotensis ochotensis*, справа — *Ficedula narcissina narcissina* (от Е.И.Шрадера). Фото автора.

В 1878 году действительным членом Императорского Русского географического общества стал Александр Васильевич Григорьев (1848-1908) — русский ботаник и этнограф, будущий секретарь ИРГО (1883-1903). Он — участник нескольких русских научных экспедиций. Так, в 1879 году он был командирован в экспедицию, снаряжённую на средства Александра Михайловича Сибирякова (1849-1933), на шхуне «Норденшёльд». Обогнув материк Азии с юга и оказавшись у берегов японского острова Хоккайдо, шхуна села на мель. Собранные коллекции, однако, удалось спасти, и Григорьев, воспользовавшись вынужденной остановкой в Японии, занялся этнографическими исследованиями. Возвратившись в Россию в 1880 году, он принёс в дар собственные коллекции: зоологическую — Академии наук, а этнографическую — ИРГО. Сообщалось, что от профессора А.В.Григорьева Музей получил «цен-

ную коллекцию японских позвоночных и беспозвоночных животных» в 1881 году (Штраух 1889, с. 102).

После 1900 года Пётр Юльевич Шмидт (1872-1949) начал заниматься изучением фауны рыб Тихого океана и ихтиологией в более широком плане. В 1914 году он поступил на должность старшего зоолога в Музей, где впоследствии до 1931 года заведовал отделением ихтиологии. В конце 1926 – начале 1927 года профессор-зоолог П.Ю.Шмидт во время командировки на Тихоокеанский конгресс в Токио побывал на острове Окинава (самая южная территория Японии и самый крупный остров в архипелаге Рюкю). После этой поездки он доставил в Музей экземпляры лазающего зайца Pentalagus furnessi, которых описал в художественном очерке своего пятинедельного путешествия, включая тихоокеанские острова Лиу-Киу (ныне Рюкю). Хотя с 1921 года этот вид охранялся законом, П.Ю.Шмидт (1929) писал, что экземпляры были добыты на острове Амамиосима (самый северный из островов Лиу-Киу). Тогда, кроме зайцев, русский зоолог привёз для Музея большую коллекцию рыб и некоторое количество птиц (табл. 3). Все эти события происходили уже в СССР, в начальный период реорганизации Академии наук.

Вернёмся всё же в дореволюционные времена. Ещё одно действующее лицо нашего очерка – Арнольд Карлович Мольтрехт (Arnold Christian Aleksander Moltrecht, 1873-1952). О нём упоминалось не только как о враче-офтальмологе Южно-Уссурийского переселенческого управления и заведующем Владивостокским госпиталем (Чигринский 1983), но и как о полузабытом исследователе Дальнего Востока (Новомодный 2003; Новомодный, Чистяков 2017), в научном наследии которого известно несколько работ по лепидоптерологии (Мольтрехт 1929, 1933 и др.). Судьба Мольтрехта сложилась так, что после 1902 года, когда он был назначен руководителем глазного отряда на Дальний Восток, он до конца своей жизни уже не покидал эти места. Однако будучи окулистом и организатором здравоохранения в Приморье и Приамурье, А.К.Мольтрехт, вместе с тем, был страстным орнитологом и путешественником. Он объездил и исследовал Дальний Восток от побережья Берингова моря до реки Амур, путешествовал по Китаю, Корее и Японии. Определённым вкладом А.К.Мольтрехта в орнитологию стала «чрезвычайно интересная по месту сбора коллекция птиц с крайнего северо-востока Сибири – бассейна реки Анадыри», которую он принёс в дар Музею в Петербурге. Часть его орнитологических сборов была обработана старшим зоологом Музея Валентином Львовичем Бианки (1857-1920), им же был издан список этой коллекции (Бианки 1909). Этот перечень содержал всего 40 видов, добытых Мольтрехтом в основном в мае-августе 1906 года (незначительные по количеству сборы датированы 1903 и 1905 годами). Но из-за плохого препарирования на месте сбора материала, за исключением восьми оставшихся в Музее относительно удовлетворительных экземпляров ($Branta\ bernicla$, самец, № 55422, 8.VI.1903, Анадырь; $Mergus\ serrator$, самка, № 1934, 17.VI. 1906, Марково на Анадыре; $Buteo\ lagopus$, самец, № 131135, 23.V.1903, Анадырь, пост Ново-Маринский, и другие), коллекция «оказалась непригодною».

Одним из научных достижений А.К.Мольтрехта стало предпринятое им по заданию Русского географического общества путешествие в Японию, Корею, Китай и на остров Тайвань (Формозу)*. Будучи в Китае, А.К. Мольтрехт посетил западную часть провинции Сычуань (бассейн реки Янцзы). Занимаясь орнитологическими изысканиями, он большую часть времени в конце 1907 года провёл в провинции Фуцзянь, где пробыл в течение трёх недель. Удовлетворённый успехами в коллектировании редких птиц, А.К. Мольтрехт в самом начале 1908 года прибыл из Фуцзяни в Тайхоку (Тайбэй, север Тайваня), после чего началось его четырёхмесячное путешествие по влажным вечнозелёным тропическим лесам острова.

Поездка Арнольда Мольтрехта на Тайвань обеспечивалась надёжным дипломатическим прикрытием. Вице-президент Русского географического общества П.П.Семёнов-Тян-Шанский (1827-1914) добился через Министерство иностранных дел поддержки и помощи Мольтрехту со стороны японской администрации и учёных на Тайване. Без этого, по признанию Мольтрехта (1916), он вряд ли смог бы совершить путешествие в условиях труднодоступной горной страны, покрытой непроходимыми тропическими лесами и населённой воинственными туземными племенами. Часть своего путешествия в горах и тропиках Мольтрехт провёл вместе с двумя японскими коллекторами. С симпатией и уважением говорил он об аборигенах-помощниках как смелых, ловких и исключительно выносливых охотниках, приспособленных к жизни «в жестоких условиях среди дикарей».

Директор Музея Н.В.Насонов сообщал, что «важная и обширная» коллекция птиц была отправлена А.К.Мольтрехтом в Петербург в мае 1910 года (Насонов 1911). Поездки Мольтрехта в Фуцзянь и особенно на Тайвань оказались результативными: тогда путешественник собрал 130 образцов птиц. Ниже представлены некоторые виды из фондовой коллекции ЗИН РАН, собранные А.К.Мольтрехтом в Китае и Корее:

 $Ardea\ cinerea$, серая цапля, ♀, № 137584, Юго-Восточный Китай (Фу-Чжоу); $Casmerodius\ albus$, большая белая цапля, № 137170, Корея (Сеул); $Ardeola\ bacchus$, белокрылая цапля, ♂, № 137184, Юго-Восточный Китай;

403

^{*} После окончания Японо-Китайской войны (1894-1895), когда вооружённые силы полуфеодального Китая оказались разбитыми, был подписан Симоносекский мирный договор, по которому Китай передал Японии остров Тайвань (колониальное название «Формоза» остров получил благодаря португальцам в 1550 году; Формоза — первая японская колония), остававшийся под властью Японии до 1945 года.

Nycticorax nycticorax, кваква, № 136999, Юго-Восточный Китай (г. Фучао);

 $Gorsachius\ goisagi,\ японская\ кваква,\ No \ 137016,\ Корея\ (окр.\ Сеула);$

Ixobrychus eurhythmus, амурский волчок, № 136819, Корея (Сеул);

Ixobrychus cinnamomeus, охристый волчок, № 136309, Юго-Восточный Китай (г. Фучао);

Dupetor flavicollis, мангровый волчок, № 136799, Корея (окр. Сеула);

Mergus serrator, длинноносый крохаль, ♂, № 1938, Китай (Фу-Чжоу);

Aquila heliaca, могильник, ♀, № 12678, Юго-Восточный Китай (г. Фучао);

Falco subbuteo, чеглок, ♀, № 76015, V., Юго-Восточный Китай (Фу-Чжоу);

 $Otus\ bakkamoena$, ошейниковая совка, № 133790, Южный Китай, А-чонг на реке Мин;

 $Glaucidium\ cuculoides$, кукушковый воробьиный сыч, , \Diamond , № 133852, III, Южный Китай, А-чонг на реке Мин;

 $Tarsiger\ cyanurus$, синехвостка, № 147740, Юго-Восточный Китай (Фу-Чжоу), I.1908;

Enicurus schistaceus, сероспинная вилохвостка, № 138528, самка, І.1908, Юго-Восточный Китай (пров. Фу-цзянь, р. Мин);

Enicurus leschenaultia, белошапочная вилохвостка, ♀, № 138519, Китай (Фу-Чжоу);

Enicurus leschenaultia, ♀, № 138532, Китай (Фу-цзянь); и другие.

Помимо отправленной коллекции птиц (табл. 3), Мольтрехт решил отвезти лично в Петербург, куда предполагал выехать в конце 1910 года*, образцы редких змей Тайваня и Японии, а также некоторых рыб Японского моря[†]. Действительно, в одной из записей («Книга поступлений отделения герпетологии ЗИН РАН», № 325, от 12 марта 1911) сообщается, что Музей «приобрёл путём покупки» у А.К.Мольтрехта 8 экземпляров рептилий (7 змей и 1 ящерицу) из Нагасаки, Формозы и Рюкю. В настоящее время судьба этих образцов известна; часть из них хранится в отделении герпетологии Зоологического института РАН: Trimeresurus gramineus (№ 132156, Формоза, II.1908, Мольтрехт), Euprepiophis conspicillata (№ 13555б, Формоза, IV.1908, Мольтрехт), Elaphe quadrivergata (№ 13560, Формоза, Каги, 1911, Мольтрехт) и др. В дальнейшем анализ полученного материала привёл А.К.Мольтрехта к выводу о сходстве палеарктической фауны Тайваня, Северной Бирмы, Филиппин, китайской провинции Юньань и Западной Сычуани. Но при этом он указывал на контраст картин животного мира Тайваня и соседней с ним (через Тайваньский пролив) провинции Фуцзянь.

Наш краткий исторический очерк завершает персонаж, хорошо известный во Владивостоке. О нём больше знают и помнят как об успешном купце-предпринимателе — Якове Лазаревиче Семёнове (1831-1913). Русский купец Семёнов и его компаньон, шотландец Георгий Филип-

^{*} СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук). Ф. 55. Оп. І. Д.143, Л. 106.

 $^{^\}dagger$ Ранее японские рыбы поступили в Музей от Гошкевича, Максимовича и Германа Шлегеля (Штраух 1889, с. 212-213).

пович Демби, были основателями рыбной промышленности на Сахалине. Там в 1878 году Семёнов получил бесплатные участки для промысла морской капусты и наладил дело. Морская капуста была основным товаром, с которого начинался доходный бизнес Семёнова во Владивостоке. В 1879 году была создана компания «Семёнов, Демби и К°», которая довела вывоз сушёной морской капусты (в основном в Китай) до 100 тысяч пудов в год. Развивая промысел морской капусты, Семёнов знакомился с его особенностями у берегов Приморья и в Японии. В конце 1885 года на заседании Общества изучения Амурского края Семёнов сделал доклад «Промысел морской капусты в Японском море». А в 1886 году первые дальневосточные рыбопромышленники получили право на аренду участков на западном побережье Сахалина для ведения рыбного промысла. К 1900 году это уже была крупнейшая из русских рыбопромышленных компаний. Судя по обнаруженным нами материалам (табл. 3), некто Семёнов в 1886 году был активным коллектором в Японии. «Подозрение» пало на известного дальневосточного купца Я.Л.Семёнова, но для этого нужны прямые доказательства, которых, увы, до сих пор нет. Пока есть только версии и домысливания. Известно, что компания «Семёнов, Демби и К°» имела в Хакодате на Хоккайдо своё представительство – собственную торговую контору, ведавшую сбытом рыбной продукции, фрахтом судов и закупкой промыслового оборудования. Учитывая это обстоятельство, есть основания полагать, что купец Семёнов бывал в Японии и не только по делам фирмы, но и с другими целями или поручениями. Если предположить, что Семёнов-купец и Семёнов-коллектор – одно лицо, то, возможно, его подтолкнуло к орнитологическим сборам знакомство с И.С.Поляковым (личное по Приморью или через его поверенного Демби на Сахалине). Другой стороной «дела Семёнова» поделился с нами Е.В.Новомодный (устн. сообщение), который предполагает, что сам Я.Л.Семёнов коллектором не был, а эту роль мог выполнять по его указанию компаньон Г.Ф.Дэмби, у которого были свои дома в Японии – и на Хоккайдо, и на Хонсю. Известно, что в 1885 году началось следственное дело против Демби, который обвинялся в незаконных действиях: платил рабочим-айнам за труд не деньгами, а залежалым товаром по высоким ценам (Д/В, ф. 1133, оп. 1, ед. хр. 43). Могло быть и так, что, скрываясь от правосудия и возмездия, Демби уехал «от греха подальше» в Японию и добывал там птиц по поручению своего покровителя (Я.Л.Семёнова), пока тот улаживал его грехи. «Плох тот купец, который не мечтает сделать товар из воздуха и продать его с выгодой». Как опытный предприниматель, Семёнов мог знать, что фауна и интерес к её коллекционированию «притягивали» не только в научном, но в меркантильном плане. Ведь за посылки выдающихся экспонатов и коллекций для российских музеев наиболее активных коллекторов Академия «жаловала разными почестями и званиями». Конечно, тот факт, что в коллекции хранится несколько десятков тушек птиц из Японии «от Семёнова» или «через него», должен в будущем потребовать объяснения.

Вместо заключения хотелось бы ещё раз вспомнить, что к концу XIX века в орнитологической коллекции Музея была очень широко представлена фауна азиатских островных территорий (между Японией, Китаем, Индией и Австралией). Что же касается больших и малых островов Японского архипелага, то о массовых сборах коллекционного материала информации оттуда не поступало. Очевидно, основная причина была в том, что Япония длительное время (до середины XIX века) находилась в состоянии изоляции и применяла суровые ограничения в отношении европейцев, желающих проникнуть внутрь этой восточноазиатской страны. По мнению правительства Японии, от носителей христианской веры могла исходить угроза национальной безопасности. Тот зоологический материал, который поступал в Музей из Японии от разных экспедиций, натуралистов и частных лиц, был невелик: объёмы сборов не превышали нескольких десятков образцов от каждого собирателя (редко – более ста). Однако эти коллекции, так или иначе, пополняли фонды Музея и до сих пор продолжают служить ценным источником для исследования такого обширного региона, как Восточная Азия. Марк Эндрю Брэзил (Brazil Mark) – английский защитник природы, известный своими работами по птицам Восточной Азии (например, «Birds of East Asia, 2009»), в полевом руководстве по восточноазиатским птицам (Восточный Китай, Тайвань, Корея, Япония и Дальний Восток России), приводит сведения о 985 видах (в нашем очерке упомянуто о 130 видах). Среди современных исследователей М.Брэзил является одним из тех, кто считает, что в области естественных наук Запад многое узнал об удивительной стране Японии благодаря новаторской деятельности таких первопроходцев, как Э.Кемпфер, К.Тунберг, Ф.Зибольд и Т.Блэкистон. Нет надобности искать доказательств справедливости такой точки зрения. Действительно, они были одними из первых, но не единственными.

В 1850-е годы в роли первых исследователей отдалённых стран Азиатской России (имеется в виду половина площади бассейна Амура и северо-западное побережье Японского моря), выступили российские учёные, по происхождению остзейские немцы — Л.Шренк, К.Максимович, Р.Маак и Г.Радде. Некоторым из них приходилось заниматься исследованиями не только огромных восточных территорий Российской империи. Когда началось ослабление ограничительного периода, в Японию предпринял путешествие К.И.Максимович, «капитальный ботаник по описанию флоры Восточной Азии», где он не только успешно гербаризировал с помощью обученного им японского коллектора, но также сам проводил орнитологические сборы. С периода пребывания

Максимовича в Японии начались и в дальнейшем поддерживались деловые научные контакты, игравшие важную роль в русско-японских связях. Эти связи находились в состоянии взаимного содействия до переломного времени – до Русско-японской войны (1904-1905), других войн и революционных событий в России. Но вскоре после этих потрясений, уже в 1920-х годах, когда стало восстанавливаться общение с зарубежными учёными, прерванное в годы революций и Гражданской войны, в Зоологическом музее в Петрограде-Ленинграде уже работали профессор Матсумура из Саппоро (Хоккайдо) и доктор Т. Эзаки (Япония, Фуки-Ока) (Ольденбург 1926, с. 101). Подобные контакты и связи поддерживаются и в наше время. Так, в 1983-1984 годах в Японии состоялась выставка «Мир птиц», сформированная из экспонатов Зоологического музея ЗИН РАН. А в 2012 году птицы и другие наземные позвоночные животные, пересекающие границы Японии и России, стали предметом фотовыставки «Природа без границ», проводившейся в Санкт-Петербурге (в Смольном соборе и в Зоологическом музее), в которой принимал участие известный японский фотограф Тосидзи Фукуда (Toshiji Fukuda). Две его фотографии – японских журавлей (рис. 4) и рыбного филина (рис. 7) – представлены и в этой статье.

Я благодарен коллегам — сотрудникам Зоологического института Российской Академии наук: Е.Н.Тихоновой, А.Г.Весёлкину, К.Д.Мильто и Е.А. Голынскому за содействие в поисках информации в архивных и коллекционных фондах ЗИН РАН. Благодарю также Е.В.Новомодного — сотрудника Хабаровского краевого музея имени Н.И.Гродекова за ознакомление с дальневосточной литературой и архивными документами.

Литература

- Баккал С.Н. 2018. Иоганн Чуди (1818–1889) и южноамериканские коллекции птиц Зоологического музея Императорской Российской Академии наук // Рус. орнитол. журн. 27 (1601): 1963-1990.
- Баккал С.Н. 2019. Орнитологические сборы на островных территориях Юго-Восточной Азии в коллекциях Зоологического музея Императорской Академии наук // Рус. орнитол. журн. 28 (1855): 5549-5585.
- Бескаравайный М.М. 2016. Орнитология и война: о вкладе военнослужащих вражеских армий в орнитологию Крыма // Рус. орнитол. журн. 25 (1273): 1321-1346.
- Бианки В.Л. 1909. Список птиц, собранных г. А.Мольтрехтом в бассейне реки Анадыря // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* **13**: XXXIII-XXXV.
- Брандт Ф.Ф. 1865. Зоологический и зоотомический музей // Зап. Акад. наук 7: 1-35.
- Гончаров И.А. 1986. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Л.: 1-879.
- Комиссаров Б.Н. 2013. Г.И.Лангсдорф в Японии в 1804-1805 гг. // Вестн. СПбГУКИ 3 (16): 38-42.
- Лангсдорф Г.И. 1805. Примечания о набивании и сушении рыб, представленные Императорской Академии наук от г. Лангсдорфа, оной Академии и Геттинского учёного общества Корреспондента // Технологический журн. СПб., 2, 2: 75-88.
- Мещеряков А.Н. 2006. Император Мэйдзи и его Япония. М.: 1-735.
- Максимович К. 1883. Очерк растительности Восточной Азии, преимущественно Маньчжурии и Японии // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества: 2-7.
- Мольтрехт А.К. 1916. Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей Центральной и Южной Формозы // Изв. ИРГО 2, 1: 51-70.

- Мольтрехт А.К. 1929. О географическом распространении чешуекрылых Дальневосточного края с выделением в особую фауну уссурийских Lepidoptera // Зап. Владивосток. Гос. рус. геогр. общ-ва (Общ-ва изучения Амурского края) 3 (20), 2: 5-70.
- Мольтрехт А.К. 1933. Диагнозы новых видов Lepidoptera из Уссурийского края // Энтомол. обозрение **25**, 1/2: I82-I83.
- Насонов Н.В. 1911. Отчёт по Зоологическому музею Императорской Академии наук за 1910 год. Составлен директором музея академиком Н.В.Насоновым // Ежегодник Зоол. музея Акад. наук 16: 2-3.
- Новомодный Е.В. 2003. Роль М.И.Янковского и А.К.Мольтрехта в изучении чешуекрылых Дальнего Востока России // *Чтения памяти А.И.Куренцова*. Владивосток, **14**: 68-77.
- Новомодный Е.В. 2012. Коллектор-исследователь Дальнего Востока Фриц Дёррис из Гамбурга // Чтения памяти А.И.Куренцова. Владивосток, 23: 18-37.
- Новомодный Е.В., Чистяков Ю.А. 2017. Забытые эпизоды из истории энтомологических исследований на Дальнем Востоке // Чтения памяти А.И.Куренцова. Владивосток, 28: 5-19.
- Ольденбург С.Ф. 1926. Общий отчёт о деятельности Академии Наук в 1925. Л.: 1-408. Паевский В.А. 2018. Этимология названий птиц Палеарктики. М.; СПб: 1-289.
- Поляков И.С.1884. Отчёт об исследованиях на острове Сахалин, в Южно-Уссурийском крае и в Японии // Зап. Импер. Акад. наук 48, прил. 6: 1-61.
- Тамура А. 2005. Японская историография отношений Японии и Дальнего Востока России *II Россия и ATP* 1: 75-84.
- Хисамутдинов А.А. 2010. Русская Япония. М.: 1-400.
- Чёрная Т.А. 2011. Иконографическая коллекция доктора Зибольда «Flora japonica Delineationibus» // Письменные памятники Востока 1 (14): 197-219.
- Чёрная Т.А. 2012. Карл Иванович Максимович выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. // Письменные памятники Востока 1 (16): 212-241.
- Чигринский М.Ф. 1983. Воспитанник Тартуского университета врач А.К.Мольтрехт исследователь Дальнего Востока // О развитии медицины и физкультуры в Тартуском университете. Вопросы истории Тартуского университета 15: 143-152.
- Шмидт П.Ю. 1929. *На островах Лиу-Киу*. Л.: 1-63.
- Штраух А.А.1889. Зоологический музей Императорской Академии наук. Пятидесятилетие его существования // Зап. Акад. наук **61**, прил. 3: 1-372.
- Blakiston T. 1862. Ornithology of Northern Japan # Ibis 4, 4: 309-333.
- Blakiston T., Pryer H. 1878. A catalogue of the birds of Japan # Ibis 20, 3: 209-250.
- Blakiston T., Pryer H. 1882. On the birds of Japan # Trans. Asiatic Soc. Japan 10: 84-186.
- Dickinson E.C., Christidis L. (eds.). 2014. The Howard & Moore Complete Checklist of the Birds of the World. 2. Passerines. Eastbourne: 1-752.
- Radde G. 1863. Die Festlands-Ornis des südöstlichen Sibiriens # Reisen im Süden von Ost-Sibirie in den Jahren 1855-1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde 2. S.-Petersb.: 1-392.
- McKay B.D., Mays Jnr H.L., Tao C.-T., Wan D., Higuchi H., Nishium I. 2014. Incorporating color into integrative taxonomy: analysis of the Varied Tit (Sittiparus varius) complex in East Asia // Systems Biology 63, 4: 505-517.
- Stejneger L. 1892. Notes on a collection of birds made by Harry V.Henson in the Island of Yeso, Japan # Proc. U.S. Nat. Mus. 15 (904): 289-359.

80 03

Новые данные о зимующих птицах Сочинского Причерноморья

И.И.Уколов

Илья Иванович Уколов. Союз охраны птиц России. Шоссе Энтузиастов, д. 60, корп. 1, Москва, 111123, Россия. E-mail: iiukolov@yandex.ru

Поступила в редакцию 21 января 2020

В результате кратковременных орнитологических наблюдений на Имеретинской низменности (Краснодарский край) мне удалось сделать ряд интересных находок, дополняющих данные о фауне зимующих птиц Черноморского побережья Кавказа.

6 января 2020 на территории Орнитологического парка на Имеретинской низменности в стае луговых коньков Anthus pratensis привлекла внимание птица, отличающаяся от остальных коньков необычной тёмной окраской спины и груди. В отличие от других птиц, у этого конька была тёмная спина без светлых полос, отсутствовали зелёные оттенки в окраске, пятна на груди были более густыми, а тёмные пятна на шее были больших размеров. При рассматривании птицы на фотографии бросалась в глаза её внешняя схожесть с горными коньками Anthus spinoletta в зимнем оперении. В отличие от горных коньков, у сфотографированной птицы были розовые ноги, ярко-белые каёмки кроющих крыла и отсутствовала тёмная уздечка между клювом и глазом. По этим признакам птица была определена (Alström, Mild 2003) как азиатский подвид гольцового конька Anthus rubescens japonicus (Temminck et Schlegel, 1847).

Рис. 1. Гольцовый конёк *Anthus rubescens*. Кластер № 7 орнитологического парка Имеретинской низменности. 6 января 2020. Фото И.И.Уколова.

Азиатский подвид гольцового конька распространён по горным массивам Сибири от полуострова Таймыр до тихоокеанского побережья России (Степанян 2003). Данный подвид зимует в Японии и Юго-Восточной Азии, а также в небольшом количестве на Ближнем Востоке (Shirihai et al. 1996; eBird 2020), в Средней Азии (Архипов, Редькин 2003) и на севере Индии (eBird 2020). Кавказ и Казахстан находятся на пути миграции этих птиц к местам зимовки на Ближний Восток и в Среднюю Азию, при этом находки мигрирующих птиц в этих регионах начали отмечаться только с начала 2000-х годов. На Кавказе первые встречи гольцовых коньков зарегистрированы в Азербайджане в ноябре 2008 года (Heiss 2015), в Грузии в январе 2014 года (P.Adriaens, C. Gibbins, личн. сообщ.). С тех пор находки этих птиц в указанных странах стали регулярными. Для Европейской части России зарегистрированы две находки гольцового конька (возможно, одной и той же птицы): в апреле 2018 года в Самарской области (Д.Г.Михайлюк, личн. сообщ.) и в Ульяновской области (М.В.Калагин, личн. сообщ.).

В тот же день, 6 января 2020, в посадках сосны в окрестностях Орнитологического парка на Имеретинской низменности была найдена самка серой славки *Sylvia communis*. Несмотря на то, что климатические условия Черноморского побережья Кавказа позволяют зимовать насекомоядным птицам, зимовка серой славки на этой территории и в целом на Северном Кавказе не зарегистрирована (Тильба 2006).

Рис. 2. Серая славка *Sylvia communis*. Окрестности орнитологического парка Имеретинской низменности. 6 января 2020. Фото И.И.Уколова.

Серая славка, по литературным данным, зимует в Африке, к югу от Сахары (Коблик и др. 2012). По данным электронной базы Ebird.org,

серая славка регулярно зимует на Ближнем Востоке, единично зимующих птиц находят в Европе (остров Кипр, Великобритания, Испания, Португалия), единственная зимняя встреча зарегистрирована в Иране на границе с Туркменистаном в феврале 2019 года (eBird 2020).

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в подтверждении правильности определения птиц Ярославу Редькину, Хирту Куркампу и Андрею Коваленко.

Литература

- Архипов В.Ю., Редькин Я.А. 2003. Статус гольцового, или американского конька *Anthus rubescens japonicus* в Западной Сибири // *Рус. орнитол. журн.* 12 (243): 1274-1276.
- Коблик Е.А., Архипов В.Ю. 2014. Фауна птиц стран северной Евразии в границах бывшего СССР. М.: 1-172.
- Коблик Е., Редькин Я., Калякин М. и др. 2012. Полный определитель птиц Европейской части России. В 3 частях. 2-е изд., доп. М.
- Степанян Л.С. 2003. Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области). М.: 1-808.
- Тильба П.А. 2017. Птицы Сочинского Причерноморья. Майкоп: 1-155.
- Тильба П.А. 2006. Зимовка некоторых насекомоядных птиц отряда Passeriformes в юговосточной части Краснодарского края // Проблемы развития биологии и экологии на Северном Кавказе. Ставрополь: 205-207.
- Alström P., Mild K. 2003. Pipits and Wagtails of Europe, Asia and North America. Identification and Systematics. London: 1-496.
- eBird. 2020. *eBird: An online database of bird distribution and abundance* [web application]. eBird, Cornell Lab of Ornithology, Ithaca, New York. Available: http://www.ebird.org.
- Heiss M. 2015. First records of Asian Buff-bellied Pipit Anthus (rubescens) japonicus in Azerbaijan // Sandgrouse 37, 2: 172-176.
- Shirihai H., Dovrat E., Christie D.A., Harris A.1996. The Birds of Israel. London.

80 03

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1880: 411-412

Новая зимняя встреча скворцов Sturnus vulgaris в Алакольской котловине

Н.Н.Березовиков, А.Н.Филимонов

Николай Николаевич Березовиков. Институт зоологии, Министерство образования и науки. Проспект Аль-Фараби, д. 93, Алматы, 050060, Казахстан. E-mail: berezovikov_n@mail.ru Александр Николаевич Филимонов. Алакольский государственный природный заповедник, г. Ушарал, Алакольский район, Алматинская область, 060200, Казахстан. E-mail: alexandr.filimonov.2012@mail.ru

Поступила в редакцию 22 января 2020

Скворец *Sturnus vulgaris* – редкий, нерегулярно и, скорее всего, случайно зимующий вид Алакольской котловины, расположенной между Джунгарским Алатау и Тарбагатаем. Последние встречи с зимующими скворцами были зарегистрированы в феврале 2005 и в декабре

2006 года по окраинам дельты Тентека (Березовиков и др. 2004; Березовиков 2012). После 14-летнего перерыва новый случай зимовки в западной части Алакольской котловины зафиксирован на южной окраине города Ушарал (46°09'05" с.ш., 80°56'45" в.д.), где 18 января 2020 наблюдали двух скворцов вместе с 20 майнами *Acridotheres tristis*, кормящимися на городской свалке.

Зима 2019/20 года в этих местах была сравнительно мягкой, малоснежной, с частыми дневными оттепелями, что, вероятнее всего, и объясняет эту задержку скворцов.

Литература

Березовиков Н.Н. 2012. Зимние наблюдения скворцов *Sturnus vulgaris* в Алакольской котловине // *Рус. орнитол. журн.* 21 (776): 1672-1674.

Березовиков Н.Н., Грачев В.А., Анисимов Е.И., Левинский Ю.П. 2004. Зимняя фауна птиц Алакольской котловины // Тр. Ин-та зоол. МОН РК 48: 126-150.

80 03

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1880: 412-414

Встречи китайской зеленушки *Chloris sinica* на западной границе её ареала

Е.Э.Малков

Евгений Эдуардович Малков. Сохондинский государственный заповедник, ул. Черкасова, д. 1, село Кыра, Забайкальский край, Россия. E-mail: bukukun@rambler.ru

Поступила в редакцию 21 января 2020

О распространении китайской зеленушки *Chloris sinica ussuriensis* E. Hartert, 1903 на западной границе распространения практически нет данных. Неясно, как проходит западная граница ареала, в частности, по Забайкальскому краю и прилегающей части Монголии.

В северном Забайкалье китайская зеленушка недавно отмечена под Бодайбо (Волков 2018, 2019). В южном и центральном Забайкалье (в пределах Забайкальского края) она наблюдалась летом в районе города Балей (Малков 2007). Судя по сводкам Даурского заповедника*, китайская зеленушка отмечена на его территории как гнездящийся перелётный вид. Между тем в Сохондинском заповеднике, его охранной зоне и на прилегающей территории она не встречается.

Ещё более неясной была ситуация с присутствием вида на соседней (от юга Забайкальского края) территории Монголии. Однако со временем там была отмечена первая встреча китайской зеленушки: 3 особи

. .

 $^{^*\} http://daurzapoved.com/index.php/home/o-prirode/fauna/159-spisok-ptits-daurskogo-zapovednika$

наблюдались 31 мая 2012 в 5 ч 30 мин в ивово-тополевой пойме с лугами и остепнёнными полянами в долине реки Онон на окраине Биндэр-сомона Хэнтэйского аймака (48°36.714' с.ш., 110°37.132' в.д.). 22 мая 2018 в 9 ч встречены 4 китайские зеленушки на территории Дадал-сомона Хэнтэйского аймака (49°01'07" с.ш., 111°37'28" в.д.) (рис. 1), которые кормились на грунтовой дороге у жилых построек в остепнённой местности, окаймлённой сосняками на небольших возвышенностях.

Рис. 1. Стайка китайских зеленушек *Chloris sinica* в Дадал-сомоне Хэнтэйского аймака. 22 мая 2018. Фото автора.

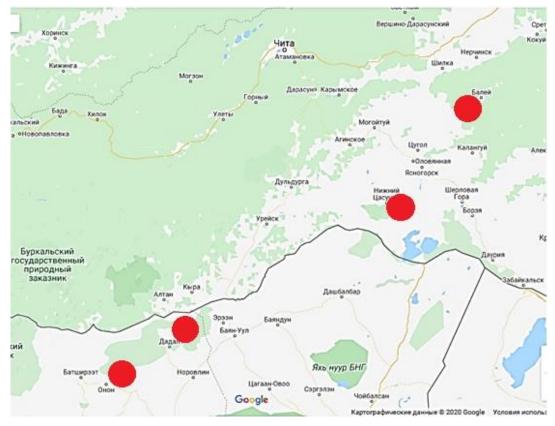

Рис. 2. Точки находок китайской зеленушки *Chloris sinica* на западной границе ареала.

При взгляде на карту с нанесёнными точками встреч китайской зеленушки (рис. 2) легко заметить, что западная граница распространения китайской зеленушки практически совпадает с руслом Онона (лишь огибая хребет Эрмана вблизи государственной границы) как на российской территории, так и на монгольской. В данном случае эти птицы придерживаются северо-западных окраин Даурии — степного и лесостепного региона.

Литература

Волков С.Л. 2018. Китайская зеленушка *Chloris sinica* новый вид птиц Северного Забайкалья // Байкал. зоол. журн. 2 (23): 105.

Волков С.Л. 2019. Китайская зеленушка *Chloris sinica* – новый вид птиц Северного Забайкалья // *Рус. орнитол. журн.* **28** (1743): 1163-1165.

Малков Е.Э. 2007. Отчёт о состоянии орнитофауны по району размещения Тасеевского горнорудного предприятия по результатам исследований. ИПРЭК СО РАН (рукопись).

80 03

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1880: 414-416

Специализация ворона *Corvus corax* на добывании домашних кошек *Felis silvestris catus* в Бухтарминской долине на Южном Алтае

С.В.Стариков

Сергей Васильевич Стариков. Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, ул. Касыма Кайсенова, д. 40, Усть-Каменогорск, 070004, Kasaxctan. E-mail: starikov60@mail.ru

Поступила в редакцию 17 января 2020

В Бухтарминской долине вороны *Corvus corax* обитают преимущественно по её расширяющимся участкам, нередко вблизи от населённых пунктов (Стариков 2006). Жизнь около посёлков, заимок, пасек и животноводческих ферм вынуждает воронов вырабатывать новые аспекты поведения. Период наблюдений 2002-2012 годов в Бухтарминской долине характеризовался резкими скачками численности мелких позвоночных животных. Это обусловило необходимость освоения воронами территорий населённых пунктов в качестве охотничьих угодий. При этом стала отчётливо прослеживаться такая особенность поведения воронов, как специализация на добывании домашних кошек *Felis silvestris catus*. Впервые это было отмечено в Катон-Карагае в октябре 2008 года, когда заболевшую кошку выпустили погулять на берегу речки в центре села. Едва кошка отошла метров на 30, как ей вдогонку

неожиданно спикировал ворон и ударом клюва в голову убил (Ф.И. Шершнёв, устн. сообщ.).

Детально проследить охоту пары воронов на кошку удалось из окна второго этажа гостиницы в селе Катон-Карагай 24 февраля 2009. Пролегающие по огородам старые кошачьи тропы ночью покрыл снег слоем до 20 см, что снизило подвижность кошек на открытых участках. Этим сразу же воспользовались вороны. Дождавшись, когда по запорошённой тропке кошка добрела до середины огорода, они стремительно спикировали со своего наблюдательного пункта на неё. Сделав несколько сужающихся кругов, не позволив кошке убежать, один из воронов ударил её в голову. Птицы сразу сели рядом на снег. Через несколько секунд, дождавшись, когда кошка перестанет шевелиться, вороны несколькими движениями, по сути, разорвали тушку на две части. Быстро заглотнув внутренности добычи, вороны, схватив остатки клювами, унесли их за окраину села. Все эти действия были произведены птицами в течение 4-5 мин. При разделке трупа кошки вороны показали удивительную мощь своих клювов, действуя ими как секаторами и разрезая добычу на части. Для наблюдений за верхней частью села Катон-Карагай вороны используют высокую старую лиственницу. Сидя на ней, они могут видеть почти половину селения и держать под контролем передвижения людей и скота. Поэтому выслеживание кошек для воронов не представляет сложности.

В свою очередь, эта особенность охотничьего поведения воронов повлияла на поведение и образ жизни кошек, населяющих посёлки Бухтарминской долины. В дневное время кошки стали гораздо реже ходить по открытым местам и ведут себя более настороженно. Показателен такой пример. Однажды, расположившись на краю огорода в центре Катон-Карагая, мы обсуждали маршрут экспедиционной поездки. Рядом на траве спокойно лежал кот. В этот момент над нами на высоте 20 м пролетел одиночный ворон. Кот мгновенно, в два прыжка буквально вонзился в небольшую копну сена и зарылся в ней. Это наблюдение показывает, какой ужас вороны наводят на кошек в настоящее время. В то же время В.М.Воробьёв (устн. сообщ.) наблюдал, как кота, сидевшего на столбе забора, застала пара воронов. Сделав несколько попыток приблизиться к нему и дотянуться клювом, вороны улетели. Кот при этом особого беспокойства не проявил. Вероятно, воронам для нападения на кошек необходимо определённое стечение обстоятельств: голод, время года, положение и состояние кошки и пр.

Ранее неоднократно наблюдались случаи кормёжки воронов на трупах собак, кошек и куриц, погибших под колёсами автомашин. Значительные скопления воронов наблюдались на тушах отстрелянных собак, выложенных на специальной площадке вблизи Катон-Карагая для подкормки зимующих хищных птиц: беркутов *Aquila chrysaetos*, могильников Aquila heliaca, орланов-белохвостов Haliaeetus albicilla (Стариков, Шершнёв 2009). Со всеми этими крупными хищниками вороны успешно конкурировали во время кормёжки. Таким образом, кормёжка на трупах собак, добыча и поедание кошек стали привычным делом для синантропных семей воронов в Бухтарминской долине.

Литература

Стариков С.В. 2006. Орнитологические исследования в Бухтарминской долине и на прилегающих хребтах казахстанского Алтая в 2005 г. // Каз. орнитол. бюл.: 111-137.

Стариков С.В. 2006. О гнездовании обыкновенного ворона в Бухтарминской долине (Южный Алтай) // Каз. орнитол. бюл.: 208-209.

Стариков С.В., Шершнёв Ф.И. 2009. Первые результаты искусственной подкормки хищных птиц на территории Катон-Карагайского национального парка // Selevinia: 262.

80 03

ISSN 1026-5627

Русский орнитологический журнал 2020, Том 29, Экспресс-выпуск 1880: 416-417

Влияние орешниковой сони *Muscardinus* avellanarius и желтогорлой мыши *Apodemus* flavicollis на гнездование птиц-дуплогнездников

Р.А.Юшкайтис

Второе издание. Первая публикация в 1988*

Синичники, развешенные в лиственных и смешанных лесах, наряду с птицами-дуплогнездниками заселяют орешниковые сони *Muscardinus avellanarius* и желтогорлые мыши *Apodemus flavicollis*, в некоторых местах весной занимающие 10-30%, а осенью — 30-60% всех синичников (Штраус 1959; Езерскас 1961; Юшкайтис 1984; и др.).

Исследования влияния этих грызунов на гнездование птиц-дуплогнездников проводились нами в 1980-1987 годах в юго-западной Литве (Шакяйский район) и в 1984-1987 годах в восточной Литве (Молетский район). Стандартные синичники были развешены в смешанных лесах со средней плотностью 4 синичника на 1 га. Их число менялось от 115 в 1980 году до 745 в 1987. Всего за время исследований наблюдения велись за 3785 синичниками. В 1983-1967 годах в 898 синичниках были оставлены прошлогодние гнезда орешниковых сонь, в 253 — прошлогодние гнезда желтогорлых мышей и 1461 синичник был чистым. Орешниковые сони в синичниках поселялись уже в первый год после

_

^{*} Юшкайтис Р.А. 1988. Влияние орешниковых сонь и желтогорлых мышей на гнездование птиц-дуплогнездников // *Тез. докл. 12-й Прибалт. орнитол. конф.* Вильнюс: 257-258.

их развески, особенно осенью. В последующие годы весной они занимали около 10%, а осенью — 35-50% всех синичников. Желтогорлые мыши весной заселяли от 0 до 10%, а осенью — 10-30% синичников.

Наиболее острая конкуренция за синичники между орешниковыми сонями и мухоловками-пеструшками Ficedula hypoleuca. Из 808 находившихся под наблюдением гнёзд пеструшек в 109 случаях (13.5%) их заняли сони. В то же время сони заняли только 1 из 571 гнезда больших синиц Parus major и ни одного из 66 гнёзд лазоревок Parus caeruleus. Отмечено также разорение гнёзд хохлатой синицы Parus cristatus (2 случая из 7) и зарянки Erithacus rubecula (1 случай из 4). Желтогорлые мыши заняли 21 гнездо мухоловок-пеструшек.

Основная причина столь разных взаимоотношений мышевидных грызунов с мухоловками и синицами — разные сроки их гнездования. Начало гнездования мухоловок-пеструшек (строительство гнезда, откладка яиц) совпадает с периодом массового заселения синичников орешниковыми сонями. Большие синицы и лазоревки, отличающиеся более ранними сроками гнездования, в это время уже насиживают и могут отпугнуть залезающих в синичники сонь. Другая причина связана с различной реакцией мухоловок и синиц на прошлогодние гнёзда орешниковых сонь и желтогорлых мышей. Наши исследования показали, что мухоловки-пеструшки заселяли 20.5% чистых синичников, 17.8% синичников с гнёздами сонь и 14.6% синичников с гнёздами мышей, а большие синицы — соответственно 21.4%, 2.1% и 1.6%. Это, видимо, определяется тем, что большие синицы предпочитают глубокие, а мухоловки-пеструшки — мелкие синичники (Благосклонов 1972).

Вред, приносимый сонями и мышами гнездованию мухоловок в Литве можно считать незначительным. Мухоловки-пеструшки являются самым массовым видом птиц-дуплогнездников (Езерскас 1961; наши данные), а лесов с высокой численностью орешниковых сонь и желтогорлых мышей у нас мало. К тому же мухоловки-пеструшки, гнёзда которых заняли грызуны, могут гнездиться повторно.

Вопрос об отрицательном влиянии прошлогодних гнёзд орешниковых сонь и желтогорлых мышей на гнездование птиц-дуплогнездников и тем самым о необходимости повторной чистки синичников весной (Езерскас 1961) остаётся открытым. Возможно, что удаление этих гнёзд весной повышает конкуренцию между грызунами и птицами за синичники (Pielowski, Wasilewski 1961). С другой стороны, в наших исследованиях 32.3% синичников с прошлогодними гнёздами орешниковых сонь и 8.3% синичников с гнёздами желтогорлых мышей заняли шмели *Вотвы*, которые внесены в Красную книгу Литовской ССР.

